

Красный бамбук

Автор:

Владислав Савин

Красный бамбук

Владислав Олегович Савин

Военная фантастика (АСТ)Морской волк #19

«Красный бамбук» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». В этом мире Победа настала в 1944 году, и СССР гораздо сильнее – но и противостояние с миром капитала гораздо непримиримее. Вьетнамская война с участием США началась на 11 лет раньше – и СССР тут открытый союзник коммунистического Вьетнама. Удастся ли избежать скатывания мира к Третьей мировой?

Влад Савин

Морской волк: Красный бамбук

© Влад Савин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 186

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова, Сергея Павлова, он же «Мозг», Александра Калмыкова, Константина Богачева, Михаила Новикова – с форума Самиздат.

Читателей Самиздата под никами Библиотекарь, омикрон, Old_Kaa, strangeserg, General1812, Тунгус, chuk011 и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

И конечно же Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей любимой жене Татьяне Аполлоновне (в девичестве Курлевой) и дочери Наташе, которые не только терпимо относятся к моему занятию – но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Лючии.

Пролог

У восточного побережья Африки

Под холодным светом звезд... Какой поэт это придумал – абсолютно ничего не видно. Ну вот, луна вышла из-за туч, светящейся дорожкой по воде. Это хорошо, что нас заметят – потому что нам нужно, чтобы нас увидели. Те, на кого мы охотимся – и которые думают сейчас, что охотятся на нас.

Пиратство в этих краях было, наверное, еще во времена финикийцев, которые первыми вокруг Африки обошли. Как пришли белые люди, с грохотом пушек и лязгом паровых машин, так почти притихло – «почти», потому что океанские пароходы местной береговой гопоте были явно не по зубам, ну а шебеки и дао

своих местных купцов? Впрочем, среди последних еще посмотреть надо, кто большой пират. Как бы то ни было, в Европе о здешних жителях знали как о мирных торговцах, которые, подгребая в своих лодках к проходящим судам, предлагали купить что-то (в основном свежие фрукты – но и любую экзотику, включая говорящих попугаев), умудряясь швартоваться к борту прямо на ходу (пиратское умение!). Но стоило английской власти ослабнуть – как началось снова. Поскольку население тут очень бедное, даже к своей, не то что к чужой жизни относится насквозь философски, то есть пофиг, «убить могут – так все равно завтра с голоду или от болезни помру». И привет – «здравствуй, мой брат, африканский пират».

В самом начале пираты работали по мелочи – влезали на судно, поспешно хватали, что под руку попадет (личные вещи экипажа, деньги из корабельной кассы), после чего исчезали, никого не убив (если им не оказывали сопротивления). Грабили не разбирая – всех проплывающих мимо, кого повезет перехватить. И случалось это нечасто – один-два раза в месяц. Но две недели назад напали на «Сухону», идущую из Одессы в Дурбан – в команде одиннадцать убитых, и восьмерых пираты увели с собой, а еще заложили бомбу в машинное отделение, однако сделали это так неумело, что судно не затонуло, и пожар удалось погасить (часть экипажа успела забаррикадироваться в отсеке, пираты их то ли не нашли, то ли не сумели взломать люк). А это уже не на «вольных стрелков» было похоже, а на кое-что похуже – например, как норвежские рыбачки в британских портах по наущению джентльменов из СИС брали на борт мины, которые после ставили возле Нарвика и Тромсё, баз советского ВМФ. Что ж, в Европе и Азии все уже усвоили, что своей крови советские не прощают никому. Придется теперь и африканцев поучить!

Ну вот, в ночном прицеле видны объекты. Нет еще здесь компактных биноклей и очков, как в конце века – и элементная база еще не та, и источники питания – но в стационарном варианте, на танках и кораблях, качество вполне удовлетворительное. Плывут разбойнички, увидев нас на лунной дорожке – вроде бы безобидный торгош, неспешно идущий вдоль берега на юг. Мы не торопимся – а вы поближе подойдите, чтобы после никто убежать не успел.

Ревун! И вспыхивают прожектора – а стволы 57-мм зенитных спарок уже опущены и развернуты на борт. Десантный корабль, тип «носорог», ГДРовской постройки, лишь силуэтом на торгоша похож. А на борту еще и рота советской морской пехоты со штатным вооружением и готовая к бою – так что даже при abordage пиратам бы ничего не светило, но зачем нам риск даже единичных

«двухсотых» или «трехсотых»? На дистанции же африканцам с одной лишь стрелковкой и на рыбацких лоханках не светит абсолютно ничего. И начинается не сражение, а бойня – очередь из автоматической пушки лодку разносит в щепки, а еще с мостика работают ДШК, и морпехи тоже участвуют, на такой дистанции ПК и АК вполне эффективны, стрелять с палубы большого корабля гораздо удобнее, и в свете прожекторов и ракет цели видны хорошо.

Самые умные из пиратов отворачивают, в надежде скрыться во тьме. Но выйти из зоны поражения им уже не успеть, а вблизи никого уже не осталось, лишь обломки и трупы на воде, прожектора ищут дальние цели, и когда обнаруживают – десяток 57-миллиметровых снарядов, и жалуйтесь своему Отцу, у вас ведь и религия теперь своя, какая-то жуткая смесь христианства черт знает с чем. Плачьтесь, что ваш бог вам не помог – воля товарища Сталина (который все еще правит в Москве, и многие лета ему!) сильнее. Советских трогать нельзя – и это даже негры в Африке должны твердо усвоить.

Ну вот, все кончено. Теперь выловить из воды тех, кто уцелел – свидетели, однако! Чтоб если до Международного Уголовного суда при ООН дойдет – подтвердили, что советские моряки расстреливали пиратов, а не мирных рыбаков. И приступить к второй части марлезонского балета.

Лазарев Михаил Петрович.

Москва, 23 февраля 1955 г.

Этот мир – наш. И мы никому его не отдадим – ни Горбачеву с Ельциным, ни реставрации капитализма.

С тех пор как «Воронеж», атомный подводный крейсер Северного флота пока неведомым науке образом, выйдя в учебно-боевой поход, провалился на семьдесят лет назад – двадцать первый век вспоминается как далекая страна. Ценная с точки зрения полезной информации, что мы оттуда вынесли, – но уже почти без души. Родных только жалко, у кого из нас были и там остались – у меня в 2012 году отец еще был живой. В Ленинград приезжая, каждый раз по Васильевскому пройду мимо дома на 12-й линии, где мы в иное время жили. И ведь батя мой в этом времени уже родился – и если как в той жизни, в Нахимовское поступит, а затем в Ленком[1 - ВМУ им. Ленинского Комсомола,

готовит офицеров-подводников. – Здесь и далее прим. автора.], а я пока в отставку не собираюсь, и бываю и там и там, вот будет салага-первокурсник на меня, Адмирала Победы, Трижды Героя и «самого результативного подводника Великой Отечественной» смотреть, не зная, что я его сын. Между прочим, по крови, по генам, это серьезно – если моя дочка Оля, которая здесь родилась в пятьдесят первом, вырастет и влюбится в офицера-морьяка, вот пересекутся их дорожки, это что выйдет по науке генетике, внучка за деда?! Такой мексиканский сериал, что всякие мари и изауры обзавидуются. Придется следить за биографией Петра Лазарева, чтоб такого не случилось. Конечно, буду рад предку помочь, если по справедливости. Поскольку мой батяня – настоящим человеком был. И тут, я надеюсь, по жизни так же прямо пройдет.

Ну а пока – о том можно не думать. Там я жениться так и не успел, в сорок два года ходил холостым. А тут – знакомьтесь, Анна Петровна Лазарева, моя жена, была моей опекающей от Тех Кто Надо, когда мы сюда попали в сорок втором, сейчас имеет высокий пост инструктора ЦК, помощница самого Пономаренко. Кого в этой реальности считают наиболее вероятным преемником Сталина (а вовсе не Берию, как авторы иных «альтернативок», что я успел прочесть). Сам Иосиф Виссарионович здесь пока еще живой (что подтверждает предположение, что там ему помогли в иной мир отправиться), и о здоровье своем заботился лучше, предупрежденный – например, точно известно, что курить он бросил еще в войну. Но по информации, что до меня с самого верха доходит, сейчас он по факту сосредоточился на идеологии, текущую работу оставив на Пономаренко, и Совет Труда и Оборона – куда входят, в большинстве, товарищи, посвященные в нашу Тайну. Меня там нет – и плюньте в лицо авторам «альтернативок», в которых попаданец в ранге капитана, или вообще какой-то офисный планктон, учит глупого Вождя, как ему управлять страной! Те, кто «приняли СССР с сохой, после Гражданской, а оставили сверхдержавой с атомной бомбой, выиграв тяжелейшую войну», – дураками и безвольными быть не могли по определению, да, они не могли знать то, что стало известно после, но как личности – превосходили многих, живущих (и правящих) в двадцать первом веке. Так что мы, «воронежцы», выступали не более чем консультантами. И даже в том, что в этой реальности Победа настала на целый год раньше, СССР потерял (по самой скромной оценке) на шесть миллионов меньше народа, Гитлера поймали живым и повесили по приговору трибунала в Штутгарте (вместо Нюрнберга) и в социалистический лагерь в Европе входит вся Германия, вернее, ГДР, нет тут ФРГ, а также Народная Италия и Греция, черноморские Проливы наши – а на востоке война с Японией в сорок пятом завершилась еще большим разгромом самураев, и Монголия вошла в состав СССР (как до того Тува в нашей истории), а Маньчжурия с КНДР (нет никакой Южной Кореи) собираются – в том большая

заслуга не нас, а наших здешних предков, сумевших полученной от нас информацией правильно распорядиться. В Китае, правда, все идет по-другому, гражданская война там не завершилась, фронт между «нашими» и гоминьдановцами по долине Янцзы, до сих пор там перепихалочки-потягушечки, война до последнего китайца – а впрочем, какой же Мао (в этой реальности умерший вскоре после американской атомной бомбежки Сианя в пятидесятом) «наш»? Сидит сейчас в Пекине товарищ Ван Мин, верный сторонник Сталина и СССР. А во Вьетнаме война – французы оттуда ушли окончательно в пятьдесят третьем, американцы вторглись практически сразу. И чем кончится, неизвестно.

Кстати, на борту «Воронежа» кроме экипажа была и группа спецназа СФ – девять человек, а не единственный отставник Лисов (Конюшевского читал, запомнился). Из них Юра Смоленцев отличился в сорок четвертом, командуя отрядом, что Гитлера брал, – и была в том отряде итальянка Лючия, красавица, партизанка-гарибальдийка, теперь нашего Юры законная жена, а еще помощница моей Ани по делам служебным и восходящая кинозвезда. А Валя Кунцевич геройствовал в Китае в пятидесятом, когда ВВС США потеряли целую авиабазу со всем гарнизоном, а два новейших и секретных бомбардировщика В-47 оказались у нас в Монино[2 - О том см. прежние книги цикла.]. Сейчас же мы (из числа «воронежцев», трое) собрались на праздновании Дня Советской Армии и Флота. Хотя теперь у нас и сухопутных даже министерства разные – праздник не разделили. И Дом офицеров тоже.

Интересно, кто мероприятие планировал? Устроил не по-казенному – а как мне лично напомнило телепередачу из иной жизни, «Голубой огонек». Большой зал, сцена, столики, место для танцев – поскольку многие приглашенные товарищи с дамами пришли, ну и артисты и артистки тоже в зале сидели. На столиках красная и черная икра, осетрина и прочие деликатесы, все за счет заведения. Публика сугубо «свои», в чинах не ниже кап-три, сверкают золотом погон – ну и немногие штатские, кого особо пригласили. И дамы, понятно, тоже все в полном параде. В общем, культурно отдыхаем. С гордостью отдыхаем – поскольку СССР здесь и в самом деле Держава, в отличие от времен Бори-козла. И эта гордая уверенность в своей силе будто в воздухе невидимо разлита – что мы тут не просто люди в мундирах, а победители. И очень надеюсь, Европа и весь мир о том еще долго будут помнить!

Песни и музыка звучали – патриотические и лирические. Первые, во время приема пищи, вторые, когда хотелось даму на танец пригласить. Даже я решил

пару раз тряхнуть стариной, вальсируя с Аней. В этом времени «медленный танец» это не топтание на месте в обнимку, как дискотеки восьмидесятых, а что-то гораздо более сложное, чему специально учат (и в военных училищах тоже). Аня блистала в новом платье, сшитом в «итальянской моде» специально на этот день – если честно, то не вижу особых отличий от того, что было на ней в прошлый раз на подобном мероприятии, та же тонкая талия и пышная юбка, любимый ее фасон. Но попробуй это нашим женщинам сказать – заклюют, невзирая на чин!

– Это же платье из «тургеневской» коллекции. По фильму, где наша римлянка вместе с самой Софи Шиколоне, будущей Лорен, снималась – и по костюмам задумали превзойти «Унесенных ветром», впрочем, о том можешь у нее сам спросить. Мой Адмирал, ну стыдно не знать фильм, который уже весь Советский Союз успел посмотреть! На мне сейчас платье из эпизода в парке, у Лючии и Софи – из сцены с грозой.

Особенность этого зала в Доме офицеров – под балконом, столики иллюзию приватности создают, словно в отдельном кабинете сидим, сугубо в «своей» компании. В нашей – кроме меня и Анюты, еще Юра Смоленцев со своей прекрасной итальянкой, Валя Кунцевич и приглашенные товарищи: от Ани – Иван Антонович Ефремов, будущая звезда советской фантастики, и Анна Ахматова, великая поэтесса, знакомая моей Ани с пятидесятого года (и единственная из русских поэтесс, кто совершила боевой поход на атомарине, в том же пятидесятом, во время Норвежского конфликта – за что с гордостью носит на платье значок «белой акулы», почитаемый у советских подводников не меньше медали). Ну а Лючия пригласила Софи (пока еще не Лорен), с которой у нее намечается какая-то новая работа. И я тоже был доволен – когда еще выпадет случай хотя бы на один вечер полностью расслабиться и отдохнуть от дел.

Которых было не много, а очень много. Как я уже сказал, в этой истории в СССР флот сохранил самостоятельность, наравне с армией. Поскольку здесь нет возле наших границ по-настоящему сильной сухопутной группировки врага (Атлантический Союз тут – жалкий огрызок от НАТО там), зато весьма вероятно распространение социализма по далеким заморским странам. И если в той реальности первое послевоенное десятилетие ознаменовалось строительством великого «прибрежного» флота, по образу и подобию минувшей войны – то здесь ВМФ СССР уже создается «с дальним прицелом». Первым номером, конечно, идут атомные подлодки – проектирование которых здесь началось еще до Победы,

после знакомства товарищей Базилевского, Перегудова, Доллежала и Курчатова с нашим «Воронежем». Первая советская атомарина здесь вступила в строй в пятьдесят втором, сейчас же на Севмаше заложили уже лодку под номером А-16, в то время как «тринадцатая», уже спущенная, достраивалась у стенки, а «четырнадцатая» и «пятнадцатая» стояли на стапелях. Прочие дела – строительство и развитие береговой инфраструктуры, обучение экипажей, написание руководства по тактике атомарин – также продвигались точно по утвержденному графику. В КБ «Рубин» уже рождался проект следующей лодки, ракетной, а не «истребителя» – пока еще с крылатыми противокорабельными ракетами. В то время как у американцев один «Наутилус» с грехом пополам вступил в строй в октябре прошлого года, и сейчас чинится в Филадельфии, страдая от «детских болезней» – ну не знали штатовцы того, что было известно нам, а потому шли на ощупь. Например, как нам стало известно, со сталью для парогенераторов прокололись.

И с надводным флотом тоже все очень неплохо. Наши судостроители успешно освоили сварочно-секционный метод постройки (который в военные годы был козырной картой США, в меньшей степени Германии), хорошую помощь оказывают и немецкие товарищи (в этой реальности вся Германия, это ГДР, и ее промышленность в гораздо большей степени интегрирована с советской), до атомных секретов мы камрадов пока не допускаем, а в остальном полная кооперация – лодок серии XXI-бис только для нашего флота немцы успели построить больше, чем мы своих 613-го проекта (а ведь эти лодки и в Фольксмарине сегодня составляют главную ударную силу). Первые наши послевоенные эсминцы «проект 32» (близки к «30-бис» знакомой нам истории – но с универсальной артиллерией, обеспечивающей и ПВО) строились в Ленинграде и Николаеве, – но уже следующая серия «57» (по замыслу, объединяющая наши «проект 56» и «проект 61») создавались и на немецких верфях тоже. А на Адмиралтейском заводе уже заложены первые наши ракетные ударные, прототипом был «проект 58» – «эсминцы, ставшие крейсерами».

Проблем, конечно, хватало – в том числе и конкретно для меня. Например, «вторая ракетная битва» в пятьдесят втором. Первая была в сорок девятом, когда на расширенной совместной коллегии Минобороны принимали на вооружение комплекс С-75 (под тем же названием, что в нашей истории, и даже конструктивно близок и внешне похож – но на десять лет раньше). Многие заслуженные товарищи с большими звездами на погонах не видели преимуществ ракет перед артиллерией, так что баталия развернулась нешуточная, но Сталин, Кузнецов, Василевский, Рокоссовский (те, кто был

посвящен в «Рассвет» и знали будущее) решительно были «за». И не надо обвинять товарищей маршалов и наркомов в ретроградстве – диванные эксперты разного «железа», как правило, не учитывают стоимость, а ведь это архиважнейший параметр, позволивший, например, при равных ресурсах, выставить на фронт против каждой «пантеры» по пять Т-34. А СССР даже вместе с соцлагерем и в этой версии истории все равно по ВВП и финансам пока еще уступает США. И нести большие затраты на перевооружение виделось риском – но в отличие от иных товарищей наркомов, мы, посвященные, знали будущий результат. Так что встали зенитные ракеты на стражу нашего неба – десятилетием раньше.

А в пятьдесят втором возник вопрос – чем вооружать корабли (упомянутые мной «проект 57»). Товарищи из оборонки предложили версию С-75 с минимальными переделками – но тут уже мне пришлось встать насмерть. С-75 была отличным оружием ПВО страны конца пятидесятых – но уже пятнадцатью годами позже она успела устареть: при американской бомбежке Ханоя в 1972 году (нашей истории) «в небо одновременно взлетали до сорока ракет», но потери ВВС США были минимальны, из-за массированного применения ими средств РЭБ. Также – жидкостный ракетный движок, даже с ампулизированной заправкой, идеален для стационарных позиций (например, шахт), но в мобильном варианте уже проявляются недостатки, ну а в морском, эти же минусы в квадрате. И боекомплект на корабле ограничен, причем пополнить его намного труднее, чем сухопутному дивизиону ПВО – так что «сорок ракет на одну цель» не лезет ни в какие ворота. Даже временной мерой – во-первых, как известно, у нас «нет ничего более постоянного, чем временное», а во-вторых, модернизация корабля (с заменой вооружения) это намного более дорогостоящее дело, чем наземной ПВО. Зато потребности флота будут все же поменьше, чем ПВО страны и многомиллионной сухопутной армии – так что можем себе позволить и более дорогие ракеты.

Обсуждение было очень горячим. Настолько, что председательствующий на той коллегии «самый эффективный менеджер всех времен» Лаврентий Палыч Берия приказал запереть двери, и «никто отсюда не выйдет, пока к согласию не придем». В итоге приняли все же мой вариант – морской ЗРК С-75В, как шутили острословы из оборонки, с прежним имел общего одно название и некую внешнюю схожесть. Маршевый движок заменили на твердотопливный (стартовик и на С-75 таким был), капитально доработали систему управления и головку СН в плане лучшей помехоустойчивости, крылья-стабилизаторы стали раскладными, для компактного размещения в корабельном погребе. Сделали и еще одно новшество из иных времен – автоматическую электронную систему

селекции и распределения целей, а попросту корабельный электронный «мозг», управляющий работой всех ракетных комплексов корабля (а по-сухопутному дивизиона ЗРК). Советская электроника в этом мире (опять же, не в последнюю очередь благодаря нам) гораздо более продвинута – не только транзисторы, уже самые примитивные микросхемы идут в серии, даже в свободной продаже с этого года есть электронные калькуляторы, для научных работников, инженеров, студентов (цена, правда, как студенческая стипендия). Ну и удалось пробить, что С-75В делается не только в корабельном, но и в береговом варианте, для обороны баз и объектов флота (а в перспективе и частей морской пехоты).

Но главное – это люди. Флоту, в отличие от сухопутных, и в мирное время гораздо чаще приходится быть «на передовой», в контакте с вероятным противником. Что сильно держит в тонусе, и вообще, очень влияет на психологию и мораль. Ну и флотские офицеры в целом образованнее армейцев. И, в отличие от РФ торжества капитализма, здесь они – элита. Только служи честно – а за Отечеством и лично товарищем Сталиным награда не пропадет. Через тридцать шесть лет, в здешнем 1991 году, сегодняшние лейтенанты могут дорасти до адмиральских погон – и хочется верить, что среди них не будет предателей. А еще больше хочу верить, что здесь не будет и «перестройки».

– Все как в старом Петербурге, – произносит Анна Андреевна, оглядывая зал, – блестящие гвардейские офицеры, нарядные дамы, музыка, шампанское. И надеюсь, что больше никаких внутренних потрясений в будущем.

– Товарищ Ахматова, – ответила ей моя Аня шутливо-официальным тоном, – вы помните тот наш разговор в Фонтанном доме, четыре... нет, уже почти пять лет назад? Много ли среди тех царских офицеров было «кухаркиных детей» – за редчайшими исключениями, вроде боцманского сына Макарова, в мирное время у них не было шансов подняться выше прапорщика по Адмиралтейству, ведь в Морской корпус, единственный в Российской империи готовивший офицеров флота, принимали исключительно дворян. Ну а сегодня – те, кто собрались в этом зале, это наша элита «по праву меча», как говорили в совсем древнюю старину. Что тогда было доступно одной лишь «голубой крови» – теперь открыто любому советскому человеку, будь у него талант и верность. «Иди к нам, ты нам подходишь» – и я надеюсь, перерождения «людей дела» в закосневшую наследственную аристократию у нас не будет.

– Так ли? – прищурилась Ахматова. – У вас, я знаю, есть дети, так неужели их шанс войти в элиту такой же, как у выросших в колхозе?

– Именно так, – искренне ответила Аня, – конечно, я позабочусь, чтобы для них были открыты все пути, соответствующие таланту и желанию. Но пройти по этим дорогам они должны сами – доказать всем, и себе прежде всего, что они достойны сами по себе, а не по фамилии. Не хочу, чтобы мои дети и внуки выросли ничтожествами – которых нужно везде за руку тянуть.

Верно – старшенький наш, Владислав, хотя одиннадцатый год ему, мечтает военным моряком стать, причем подводником. А согласно закону от сорок шестого года, в военное училище не служившую гражданскую молодежь не берут. Так что сначала или в Нахимовское, или на флот матросом – правда, на весь четырехлетний срок не обязательно, по истечении двух лет, если ты отличник боевой и политической, можешь рапорт подать, и во Фрунзе (надводники) или Ленком (подплав). Там еще четыре года, лейтенантские погоны – и служба не в штабе, а в Заполярье или на Камчатке, где у нас атомные лодки базируются. И лишь дослужившись до каплея, имеешь право на экзамен в Военно-морскую академию, там еще два года, обычно чин кап-три при выпуске, стажировка старпомом (если прежде не довелось) и наконец, командирство. Годам к сорока, если все хорошо, подрастешь до каперанга, тут уже доступна должность командира дивизиона лодок или флагманского специалиста. Еще от пяти до десяти лет службы без нареканий – и контр-адмиральские погоны. Это сроки мирного времени – если не дай бог, война, и жив останешься, и хорошо себя покажешь, будет быстрее. Как на ТОФ после войны сорок пятого года всем отличившимся не скупилась на награды и звания, и командиры «белых акул» получали погоны кап-два в двадцать шесть, двадцать восемь лет. За службу в плавсоставе, не на берегу – а подводникам не даром в походе срок выслуги день за два считают. Поскольку и тяготы, и риск погибнуть у них выше в разы.

Анна Андреевна лишь пожала плечами – непонятно, одобряет или нет. Затем, обратив царственный взор на Валю Кунцевича, спросила:

– А вы, я слышала, только что от африканских берегов вернулись, с пиратами повоевать успели? Разве это тоже в компетенции Службы Партийной Безопасности (она же «инквизиция» в разговоре)? И вообще, в прошлую нашу встречу вы сожалели, что «невыездной». Так может, просветите?

Интересно, кто Ахматовой проболтался – прекрасная римлянка или даже моя благоверная? Поделившись тем, что даже англичанам известно – но, поскольку признать факт высадки советской морской пехоты и расправы с формально британскими подданными на номинально принадлежащей Англии территории, выйдет совершенно неприемлемо по политическим причинам, равно как и свою тайную поддержку пиратов, нападающих на советские суда, – то официальный Лондон предпочитает делать вид, «ничего не вижу, ничего не слышу», ну а СССР – что «наших там нет». Только не знает Анна Андреевна, что наш Валя числится не просто в СПб, а в ее «силовой структуре» (аналог «Вымпела» иных времен), где командировки в горячие точки поощряются для повышения квалификации. Ну а Валя (сам без дамы, и еще взбодренный коньячком) с охотой перья распушил, как гусарский поручик Ржевский:

– Так не было нас там, дорогая Анна Андреевна, а если кто и видел чего, так это призраки, привидения, ну а «настамнет», и это кто угодно здесь подтвердит. Мимо плывем, никого не трогая, нам навстречу пиратская флотилия – и так с чего-то все пугаются, что сами в воду прыгают и до берега вплавь, миль сто. Нам рыбки на камбуз хочется, мы троса за борт бросаем, за них пираты хватаются, а на них акулы клюют, как на червячка. Сходим мы после на берег, с самыми мирными намерениями – в полном боевом порядке, при поддержке артиллерии с эсминца «Вдохновленный», ну а пираты отчего-то начинают бегать, орать и в нас стрелять из чего попало, дикари-с, что с них взять, никакого уважения к советской морской пехоте. Ну, мы их и поучили хорошим манерам – так, что на том берегу теперь не живет никто.

– А как же Миклухо-Маклай? – спросила Ахматова. – С его верой в «благородных дикарей, не испорченных цивилизацией». Или там выдумка все, и фильм тоже?

– Ну отчего же? – усмехнулся Валька. – Исторический факт, что те дикари мирно себя вели и товарища Маклая очень уважали. Ну а что друг друга кушали, доподлинно известно – так это их внутренние дела. А эти сами нападают, чтобы убивать и грабить, и на тех, кто им ничего плохого не сделал. И как с такими похорошему?

– Совершенно верно, – подтвердил Ефремов, – и замечу, дорогая Анна Андреевна, что и у Миклухо-Маклая тоже был опыт столкновения с пиратами. Когда на то племя туземцев, рядом с которым он жил, в его отсутствие напали папуасы другого племени под предводительством местного пирата, устроили резню, убив женщин и детей. Вернувшись и узнав об этом, Миклухо-Маклай

пришел в ярость и отправился на поиски главаря нападавших – и позже, застигнув его на своем берегу, сам арестовал негодя и отвез на суд местных колониальных властей.

– Ну а мы на суд отвезти не могли, поскольку берег не наш, а британский, – заявил Валька. – Вот и пришлось на месте самим сразу и за суд, и за исполнителей высшей меры социальной защиты выступить. Кстати, про повстанцев-авеколистов тоже слухи ходят про их каннибализм – тут врать не буду, я не видал, но ведь не бывает дыма без огня! Мне лично хватило на этих «бедных дикарей» вблизи посмотреть, чтобы осознать правоту Карла Маркса о «неисторических нациях».

– Вообще-то, бородатый классик к ним и нас причислял, – заметил Юра Смоленцев, – славян вообще и русских в частности. А «историческими» считал исключительно немцев, французов, англичан.

– Ага, вот изобрети завтра «машину времени», как у Уэллса, хотел бы я кого-то за бороду, да поспрашивать, ты кого, сволочь, считал «неисторическими», – ухмыльнулся Валя, – но это частности. Подобно тому, как сейчас в ГДР, «дурак ефрейтор, что не ту нацию назвал унтерменшами». А само понятие унтерменш там никуда не делось, лишь на другую расу перешло. Анна Петровна (взгляд на мою благоверную), ну вы рассказывали, как в Берлине решили по улице пройтись, вам навстречу какой-то то ли турок, то ли араб – и тут же полицаи, «фрау, он к вам приставал, вам угрожал?», скрутили бедного и в участок потащили. Строго по закону – поскольку гастарбайтеру в «приличном» районе дозволено быть лишь по делу и в установленное время – а так, у этих турок в Германии прав не больше, чем у негра в ЮАС или в штате Алабама. Возвращаясь же к пиратам, скажу – мразота это полнейшая, человеческие отходы. В настоящих рыбацких деревнях, видел я и в Норвегии, и в Корее, запах рыбы ничем не выведешь, и сети у каждого дома сохнут – а у этих и рыбой не пахнет, и сетей почти нет, при том, что и скота минимум, и земля не пахотная – ну значит, пиратством живут, невиноватых нету! «Бог пришел к белым, они его убили – значит, убьем всех белых», очень гуманно звучит? И по мне, с пиратами, бандитами, людоедами – надо обращаться, как с бешеными животными, ну а убивать их – это гуманизм, по отношению к их будущими жертвам! Ну не толстовцы мы, Иван Антонович (это Ефремову), до вашего всеобщего коммунизма сейчас нам тоже, как до Луны. Что там через три тысячи лет будет, не знаю – пока что мы в двадцатом веке живем. За всемирный коммунизм воюем, ну а сколько крови по пути прольется – так ведь писал Маркс, что пролетарская

революция есть самая насильственная, кровавая, авторитарная вещь. И про победу этого самого справедливого строя, вот я лично притчу вспоминаю, уж не помню слышал от кого. Чтобы когда придет мне час и попросит меня бог, ангел, или святой отец простить напоследок всех своих врагов – я бы сказал, а нет у меня врагов, ни единого. Спросят меня, как же так, разве ты святой, ведь только у них нет на земле врагов? А я отвечу – нет, я не святой, но не осталось у меня на земле ни единого врага, поскольку я всех их убил.

– Главное при этом – не увлечься истреблением врагов настолько, что это станет самоцелью, а не средством защиты, – Ефремов внимательно посмотрел на Валю. – И не относиться к убийствам противников – как к единственному и наилучшему средству решения всех проблем. Немало людей в истории на этом погорели: стремились к высшей справедливости и всеобщему благу в том или ином роде – ради чего надо было бороться с врагами этой цели, а в итоге сами превращались в тиранов и убийц. И если на то пошло, так я про дикие племена скажу – их войны, это способ решения демографической проблемы. Сосчитано, что одного человека-охотника и собирателя прокормить могут четыре квадратных километра тропического леса, – а если территория ограничена, куда лишних людей деть? В племенах индейцев Амазонии, если ты хочешь ребенка завести, то должен принести голову человека из соседнего племени. Или ему твоя достанется, уж как повезет.

Что ж, вот вспоминаю, как в далеком будущем читал про планы Стругацких насчет продолжения «Обитаемого острова», как Мак Сим в Островной Империи геройствует. Причем Империя эта состоит из: на самых внешних островах щитом сплошь головорезы, военные. В середине – острова, населенные законопослушными обывателями, кто работают. Ну а в центре, на самых главных островах живут ну прямо ефремовски-высокомудрые и гуманные ученые, философы и художники – те, кто этой Империей правят (ефремовские Фай Родис и Дар Ветер в тот коллектив отлично бы вписались). Сбалансированное общество, где все сыты и довольны – ну а что зверствовать приходится, посылая во внешний мир эскадры белых субмарин, так исключительно с целью превентивной обороны. Что-то в этой системе разумное есть, ведь неспроста с самых давних времен было деление на категории: пахари, воины, мудрецы. И мировая несправедливость идет гораздо больше не от существования этого деления, а когда какая-то категория начинает мнить себя пупом земли, да еще превращается в замкнутую касту – ну и начинают обиженные требовать социального лифта и справедливости. Что до Вали – то повезло ему жить в это время и в этой стране, а то вышел бы или средневековый рыцарь, герцог или граф, или солдат Киплинга, несущий дикарям бремя белого человека. Да и я,

родись в ином веке... нет уж, здесь я себя полностью на своем месте чувствую, дома, в своем Отечестве, со своей семьей, служа тем, кому искренне хотел бы – и другого мне ничего не надо!

– А вы можете что-нибудь любопытное рассказать, что сами видели, – смущаясь, обратилась ко мне Софи, нарушив неловкое молчание, – если конечно, не секрет.

Ну отчего не рассказать, если дама просит? Вот думал ли я в 2012 году, что буду за одним столом с Софи Лорен сидеть – которая в этой реальности станет звездой не Голливуда, а кино народной Италии? Совсем недавно она снялась в совместной картине с «Мосфильмом» по роману Тургенева – а вообще, итальянское кино в этой реальности и конкретно этих послевоенных времен в большинстве не «неореализм», а «партизанская» тема (чем в нашей истории югославы отличались). Про подвиги гарибальдийских партизан сняли уже больше десятка фильмов – а также охотно сотрудничают с советскими киностудиями на нашу военную тему. Интересно, синьор Феллини что здесь сотворит?

А рассказать могу про поход, где я участие принимал, на лодке А-11, осенью прошлого года, к Шпицбергену. Отчего потребовалось на борту присутствие замминистра, когда для обкатки молодого командира и комдива вполне достаточно – ну скажем так, потребовалось кое-какие наметки по тактике атомных лодок проверить. Учебно-боевую задачу выполнили, идем назад, в Полярный. Вообще-то атомарины на СФ и Нарвик может принять, и Тромсё, и Печенга, и на Шпицбергене инфраструктура уже есть. Но в Полярном этого побольше, а лодка новая, после похода пусть корпус и механизмы обследуют, как бы не случилось чего. Идем курсом 147 (юго-юго-восток, по-сухопутному), четырнадцать узлов (зачем машины перенапрягать), на ста метрах. Все как часы работает, и командир лодки кап-2 Гальчук (уже из послевоенных – но лучший) подготовлен хорошо – по крайней мере, я за ним огрехов не заметил. Могу себе позволить пару часов соснуть – но не удалось. Сигнал по «Лиственнице» (название нашей системы внутрикорабельной связи решили сохранить и для здешнего аналога) – просьба прибыть в ЦП.

Что означает, командир с чем-то столкнулся, что сам не может решить. Так что одеваюсь, как салага по команде ротного «подъем». В голове уже крутится, что случилось? Лодка идет ровно, глубину и ход не меняя, маневр уклонения не совершая (вестибулярный аппарат у подводников это профессиональное). Боевой тревоги нет, уж этот сигнал не спутаешь ни с чем. Да и не полезут

американцы в нашу зону постоянного контроля – напомним, что в этой истории СССР принадлежат и Шпицберген, и Медвежий, и север Норвегии, и чтобы тут провокации устраивать, нашему вероятному противнику надо быть совсем безголовым. Неужели с берега прошла команда – вскрыть красный пакет? Так вроде, когда уходили, войной особенно не пахло. Вваливаюсь в ЦП в настроении совсем не благодушном – Виктор Яковлевич, что случилось?

Это не панибратство, а особенность флота. Если у сухопутных вполне норма, что часто даже майор к полковнику обращается по уставу, то у моряков принято, особенно если в одном экипаже и в море в походе, общение между собой по имени-отчеству, в диапазоне чинов от летехи до каперанга (еще с царской кают-компании традиция осталась) – конечно, если не в очень официальной обстановке и не накачка проштрафившегося подчиненного. Для адмиральских чинов нижняя граница такого обращения повышается до кап-три или каплея, ну а командир лодки это само собой. Так что тут у вас произошло?

Оказалось, непонятные звуки за бортом. Поскольку для лодки скрытность, это архиважно, то гидролокатор у нас включается на излучение лишь на короткое время и по пеленгу, уже взятому акустикой – в отличие от надводных кораблей, которые могут на ходу непрерывно снимать круговую картину. Зато слышим мы намного лучше надводников. И вот, если верить аппаратуре, как минимум два объекта крутятся в непосредственной близости, обмениваясь сигналами на ультразвуке. Касатки, дельфины? Так в том и вилы, что «голоса» этих морских обитателей нам известны очень хорошо – а то, что сейчас слышим, совершенно на них не похоже.

Одно успокаивает: не роботы. Теоретически (в двадцать первом веке – но о том непосвященным дамам умолчу) это вполне могли быть подводные беспилотники, и не только разведчики, но и с торпедами. Сейчас же и технический уровень не такой, а главное, винтов не слышно. Любой искусственный подводный аппарат этого времени движителем может иметь только винт, и ничто иное (водомер, это тот же винт, только в трубе) – а звук винта даже самый зеленый акустик ни с чем не спутает. Да и запас хода у таких аппаратов мизерный, значит, их должны были с корабля неподалеку спустить – а нет на поверхности никого.

Иностранные торгаши в Мурманск и Архангельск идут гораздо южнее того места, где мы сейчас, чужие военные корабли здесь оказаться никак не могут, тем более тайно для нас. Рыбаки – их бы мы обязательно услышали. Так что шпионские страсти оставим – только научный интерес.

– Виктор Яковлевич, проведите поиск в активном. Под мою ответственность.

Можем позволить на все море шумнуть – раз чужих рядом нет. Ну вот на экране один объект, и второй – ё-мое, дистанция один, два кабельтова всего, и скорость у них как у торпед! Вообще-то меч-рыба может и на пятидесяти узлах идти – объясняли тут мне, что она не хвостом и плавниками, а всем телом гребет, такой «волновой движитель». Тунец, касатка – тоже могут выдать тридцать. А вот размеры объектов – явно не китовые. Что радует – а то, например, с кашалотом столкнуться для лодки, конечно, не смертельно, но обтекатель ГАС помять это ремонт, трата народных денег и куча «фитилей» всем причастным.

Гальчук предлагает – облучить акустикой на максимальной мощности. По аналогии с ПДСС, борьбы с подводными диверсантами – боевого пловца это в бессознательный нокдаун отправляет, насколько эта морская живность устойчива, бог весть, но мало ей точно не покажется. Ну, зачем бессмысленно живых тварей губить, они же нам ничем не угрожают? И даже научного интереса нет – если всплывут оглушенные, нам что, тоже всплывать, чтоб посмотреть, кого мы угостили? А вот ход увеличьте до двадцати... и ныряем до двухсот пятидесяти. Посмотрим, насколько их хватит.

Не отстают. Значит, рыбы. Поскольку дышащие воздухом, вроде касаток, дельфинов, тюленей, во-первых, не ныряют надолго, кашалот может час-полтора без воздуха обойтись, и это считается максимум. А во-вторых, обычно не погружаются морские звери так глубоко, вся их жизнь и пища в верхнем слое моря. Ну и черт с вами – плывите, пока не надоест. Их голоса на магнитофон записали, как положено – после, вместе с выпиской из корабельного журнала, передадим ученым, для сведения.

В каюту идти уже не хотелось, так что я сидел и дремал в кресле тут же в ЦП. Обычная рабочая обстановка – лампы тускло светятся, чтобы отметки на экранах были лучше видны (и экраны здесь, электронно-лучевые трубки, а не жидкокристаллические, как в следующем веке – но о том опять же промолчу). И десяток офицеров в креслах перед пультами заняты своим делом. Всплыли снова на глубину девяносто, курс прежний. А эти «свистуны» за бортом все не уходят. Однако нам они уже не интересны.

– А что было потом? – нетерпеливо спрашивает Софи. – Что-то необычное?

Ну, отчего ж даме не подыграть? Когда мы к базе подошли, в точку randevu, то есть места встречи, где нас корабли ждали, два сторожевика, до базы сопроводить – всплываем, а на палубе эти самые «объекты» разлеглись и нас, на мостик вышедших, приветствуют русским языком. Люди-рыбы, советские ихтиандры, секретная программа МГБ. А может даже не советские, а политэмигранты из затонувшей Атлантиды – но я к этим тайнам, сами понимаете, не допущен. Мужчина и женщина, в чешуе, лица зеленые, волосы серебристые, ну а жабры, вероятно, на спине. Так что Беляев с натуры свой роман писал.

У Анны Андреевны и Софи лица – это надо видеть! Ефремов внешне невозмутим – ну, если он «посвященный», то вполне может и это тоже правдой счесть. Моя Аня смотрит со смешинкой – поняла, и не забыла, как сама американцу вешала лапшу, теперь ждет, чем завершится. И Юра тоже сообразил – ну да, кто в свое время про «подводные силы коммунистического Марса» дезу распространял? Ну а Лючия недоуменный взгляд переводит на меня, на Аню, на своего мужа – пытается понять, правда или нет?

Шутка, – говорю, – не было атлантов. И Атлантиду пока еще не нашли. Но вот про неизвестных живых существ, что возле нас тогда крутились, чистая правда. Как и то, что записи мы передали в Академию Наук. Вот вы, Иван Антонович, про космос пишете – а подумайте, у нас под боком столь же неизведанная область есть, я про океан говорю. Мы пока лишь самый верхний слой его освоили – а что там глубже километра, и кто там живет, не знаем.

– Огюст Пикар на три километра погружался, – блеснула эрудицией Анна Андреевна, – и кроме него, я слышала, были экспедиции.

Были, не спорю. А еще, по службе знаю, два года назад наши, совместно с итальянцами и командой Кусто, в Средиземке со дна обломки разбившейся «кометы» поднимали – и кое-что вытребовали в уплату с англичан. Однако все эти ныряния можно по пальцам сосчитать, и как бы не одной руки. Чтоб понятно было, представим аналогию – вот прилетели к нам марсиане, нашу планету изучить. Но видят они плохо, на сотню метров всего (для сравнения, под водой уже на двухстах метрах вечная ночь), так что с орбиты ничего не рассмотрят. И опускались они на землю раз десять, или двадцать, да хоть сотню – на несколько минут, ну не будем мелочиться, по часу, и рассматривали все в радиусе ста метров от точки посадки. И много они так про нас узнают? А ведь площадь океана – в разы больше, чем суши. И вы будете утверждать, что мы про

глубины знаем всё? Тут и в подводную цивилизацию потомков атлантов можно поверить. И в доисторических существ, все еще живущих в глубинах – выловили же совсем недавно кистеперую рыбу целаканта, считавшуюся вымершей миллионы лет назад. Так что, помяните мое слово, в море мы еще много интересного откроем.

Анна Андреевна смотрит сердито – все ж я не девочка-студентка, чтоб передо мной так шутить? Так не расскажешь же ей, что в мое время бывалые офицеры-подводники абсолютно были уверены, что в море что-то есть. Тут и «квакеров» можно вспомнить, и светящиеся круги на воде, и таинственный «блюум», звук, зафиксированный американской стационарной гидроакустикой, так и не идентифицированный, но по уверениям экспертов, гораздо больше похожий не на геологический процесс на дне, а на «голос» кого-то живого (и явно немаленького). И «бермудский треугольник», где и в здешней реальности пропадали не только корабли, но и самолеты – только в пятьдесят первом было два громких случая, исчез пассажирский «локхид констеллейшн», летевший из Лондона на Багамы, и ДС-3, рейс туда же из Майами. Есть также сведения, что там несли потери ВВС и ВМС США – но о том официально не объявляли. Конечно, там и «за уши» притянуто много – но попадают случаи реально необъяснимые. Вызвавшие у «инквизиции» самый живой интерес – поскольку одной из версий было существование еще одной пространственно-временной дыры, в непосредственной близости от нашего вероятного противника, и отдел, ответственный за «секретные материалы», существует в СССР реально, причем под крылом не МГБ, а именно Службы Партийной Безопасности, «мы же должны изучать то, что, на первый взгляд, идет вразрез с материалистическим мировоззрением».

– Спасибо, Михаил Петрович, – говорит Ефремов, – только я хоть и давно моряком был, что-то еще помню. У подводных объектов, даже без винтов, при высокой скорости шум будет, хотя бы от завихрений позади. И откуда энергия – сколько я знаю, даже меч-рыба высокую скорость лишь на коротких бросках развивает, а не длительное время. Так что вы акустикой должны были раньше их услышать, будь все на самом деле.

Значит, услышали. Не говорить же мне Ивану Антоновичу, что в фантазии своей я вдохновился американским фильмом про «людей из Атлантиды», что видел когда-то давно, еще в эпоху видеосалонов. Подумав, если бы Атлантида была, а отчего бы оттуда не быть и «политэмигрантам» в СССР, которых конечно же наша Контора тут же постаралась бы использовать с полной отдачей. Но этот

сюжет я оставляю какому-нибудь будущему автору фантастического романа. А у нас сейчас своих дел полно – даже более важных, чем пространственно-временные дыры. Крутятся сейчас возле Бермудского треугольника наши исследовательские суда, согласно программе «мирного изучения Мирового океана», принятой ООН, – положим, и в мирной гидрографии очень много весьма полезного для ВМФ, но конкретно для Бермуд, не забыли в наших высоких кабинетах, где в этом времени наш «Воронеж» выпал, а значит, с высокой вероятностью, там может быть «дыра». Что вполне объясняет и пропажи – кто-то мимо шел или летел, и вдруг провалился в параллельный мезозой. Хотя лично я, как профессиональный моряк, гораздо больше к иной версии склоняюсь – и не дай бог, кто из наших исследователей окажется в эпицентре в момент ее подтверждения. «Легкая вода» – гипотезу о том высказали в начале двухтысячных, в процессе обсуждения проблемы потепления климата. Суть в том, что в земной коре находятся огромные запасы гидратов – газа, под высоким давлением находящегося в кристаллическом состоянии. Когда же происходит прорыв наверх, например на стыке геологических плит, то вода на несколько миль по радиусу и в глубину, а также воздух над ней, превращаются в газожидкостную смесь, корабль просто провалится, а для самолета будет, как в последних радиограммах с борта пропавшей эскадрильи в нашей истории – воды, неба и горизонта не видно вообще, полная потеря ориентировки, да еще приборы не работают, поскольку электромагнитные свойства этой «газировки» тоже проблематичны. Пока неподтвержденная гипотеза – но очень похожая на правду. Хотя и «дырок» тоже не исключает.

Вот будет история, если и здесь когда-нибудь снимут «Секретные материалы» с Кунцевичем в роли советского «агента Малдера», ну а Скалли тогда кто? Хотя даже Иван Антонович мог бы рассказать – как в его экспедиции абсолютно всерьез было учтено, что олгой-хорхой существует, инструкция была при обнаружении чего-то похожего сразу стрелять, близко не подходить. И наша итальяночка могла бы рассказать (сама не участвовала, но в курсе) как в ее родном Риме в прошлом году Те Кто Надо (при участии и наших спецов) по катакомбам ползали. Дурная репутация у тех подземелий, будто бы люди там пропадали бесследно – и до войны, и в войну, и сейчас кто-то, отчего и решили разобраться. Думаю, что в норах тысячелетней давности и без всякой мистики можно сгинуть, тем более бездомным (кто туда еще в мирное время ползет) – но итальянцы всерьез проверяли и версию из легенд, что там живет какое-то чудовище, которое, согласно летописи аж в 964 году от Рождества Христова убило самого папу Иоанна Двенадцатого (в ином изложении это были обычные разбойники, но в некоторых записях есть про «неведомого зверя, воплощение ада, вылезшего из-под земли»), ну прямо как в рассказе Конан Дойла, как в

современной ему Англии из старой шахты по ночам стал вылезать пещерный медведь, нападая на людей и овец[3 - Конан Дойл А. Ужас расщелины Голубого Джона.]. Интересно, не с нашей ли подачи решили старые легенды рассмотреть – ведь даже мне, вовсе не ученому-зоологу, ясно, что чтобы выжить, популяция животных должна быть явно не в одну-две штуки, плюс кормовая база, не одними же случайными путниками они питаются – но «а если там Дыра и они из кайнозоя лезут»? В далекой прошлой жизни, когда я молодым был, довелось мне общаться с одним любителем пещер, он такого тогда нарасказывал – вот и разбери, где страшилки, а где рассказы о реально случившемся непонятном! Бушков здесь вырастет, такого понапишет, наверное.

Если весь подобный материал не будет лежать под грифом «совсекретно». Поскольку Те Кто Надо, вдохновившись провалом нашего «Воронежа» на семьдесят лет назад, ищут возможные «дыры в иное пространство-время» со стахановским энтузиазмом – я в курсе, поскольку привлекался консультантом, а Валя Кунцевич в прошлом году ездил на Урал в деревню Растесс. Массовые исчезновения людей это, к сожалению, факт, неоднократно случавшийся. «Марию Целесту» вспомните, или иные «летучие голландцы», найденные в море без экипажа – конечно, обычно это объясняется нападениями пиратов, которые потом недолго попользуются кораблем и бросят – ну как преступники частенько ездят «на дело» на угнанных автомобилях, а потом их бросают – но не все моряки в это объяснение верят, знаете ли... Впрочем, и на суше такие вещи якобы происходили и не так уж давно. «Якобы» – потому что трудно порой установить, что было, чего не было.

Год 1930-й, Канада, деревня Ангикуни вблизи одноименного озера, где жило аж две тысячи иннуитов. Некий охотник Джо Лабелль, зайдя в деревню, не обнаруживает там никого – при том, что все вещи на своих местах, включая винтовки, теплую одежду, запасы еды. И умершие от голода собаки на привязи – чего местные никогда бы не допустили. А на кладбище были разрыты могилы, и тела из них исчезли тоже. Охотник бежал оттуда в ужасе, до ближайшего поста Королевской конной полиции – и когда полицейские прибыли в деревню, все подтвердилось, и в протоколы было занесено.

В СССР после нашего попаданства к таким историям относятся серьезно. Люди от вышеназванной Конторы в Канаду летали, под личиной «французских журналистов» – и вернулись, на чем свет кляня буржуазных писак, которые в своих газетах врать готовы что угодно, только бы поднять тираж. Потому что оказалось, что все было... не совсем так. Действительно, некий Эммет Келлхер в

1930 году написал про исчезновение иннуитской деревни, статья потом была перепечатана многими другими газетами – только, по его словам, исчезло не две тысячи, а двадцать пять человек, разрытая могила была всего одна, да и не раскопанная, а просто с нее сброшены камни (иннуиты не хоронят своих покойников в землю, а складывают над телом пирамиду из камней). В канадской полиции заявили, что никакого подобного дела у них никогда не было, в архивных записях ничего про это нет, никакой Лабелль к ним не обращался – и вообще, вы не первые, кто нам с этим вопросом надоедаете, хватает простаков, особенно в вашей Европе. На берегах Ангикуни никаких следов деревни не обнаружили, самого этого Келлхера, как и Лабелля (если он существовал) за прошедшие двадцать пять лет и след простыл. Так что была ли статья выдумкой от начала и до конца, или все же что-то где-то случилось – выяснить не удалось.

Следующее подозрительное место – год 1923-й, Бразилия, деревня Хоер-Верде, шестьсот жителей исчезли так же загадочно. Ездили наши люди и в Бразилию – но оказалось, что там про Хоер-Верде вообще никто ничего не знает и не слышал, да и название деревни очень странное для португальского языка. «Верде» – значит зеленый, а вот слова «Хоер» – в португальском языке просто нет. А вот другая загадочная история, которая произошла в той же Бразилии, как раз хорошо подтверждена. В 1925 году в тогда слабоисследованный штат Мату-Гросу отправилась экспедиция полковника Персиваля Фосетта, с ним вместе были его сын Джек и их друг Рейли Реймил – на поиски некоего затерянного города, который сам Фоссет называл «Z». Загадка же в том, что во-первых, экспедицию финансировала некая группа лондонских предпринимателей под названием «Перчатка» – с каким коммерческим интересом, вопрос, – ну а во-вторых, Фосетт, опытный исследователь, вопреки всем правилам и здравому смыслу, не только не оставил сведений «идем туда-то, контрольное время такое – если не объявимся, ищите нас там», – а наоборот, при пропаже просил никого не искать, так как «если мы не вернемся, значит, и всех после нас постигнет та же участь». И они сгинули настолько бесследно, что многократные попытки узнать их судьбу не дали достоверного результата – не только тогда же, по горячим следам, но и много позже, вплоть до конца века, когда те места были уже, конечно, не светочем цивилизации, но гораздо более изученными и близкими к «большому миру». В джунглях Амазонии всякое может случиться – но Фосетт (известный советскому читателю по книге «Неоконченное путешествие») был, повторю, очень опытным исследователем того континента, совершенно не склонным шутить – что же он рассчитывал найти там, и чем заинтересовал спонсоров, которые также навеки сохранили молчание?

Год 1934-й, Кения, остров Энваитенет (имя на картах – Южный, а «Энваитенет» назвали его местные племена, в переводе с их языка это означает «Остров, с которого не возвращаются») на озере Рудольфа – сначала там пропали двое ученых-геологов из экспедиции Вивиана Фукса (на берегу озера была их главная база, где каждый вечер видели с острова условленные световые сигналы, и вдруг нет, посланные узнать никого не нашли) – случай, действительно подтвержденный самим Фуксом, который жив и работает по сей день (в нашем мире дожил до девяносто одного года и умер в 1999 году). Впрочем, есть версия, что геологи просто попытались уплыть с острова, когда у них кончились продукты, и попали во внезапный шторм – они на этом озере могут возникать очень стремительно и внезапно. Однако через несколько лет, по словам местных африканцев из племени эльмоло, – опять пропала целая деревня поселенцев, решившихся жить на острове (и снова нашли лишь пустые хижины, но ни людей, ни тел) – но вот тут уже свидетелям-африканцам доверия куда меньше, чем известному исследователю. Тем более людям, сорванным со своих мест авеколистским мятежом, кого наши сумели разыскать в Момбасе – бедствующие эмигранты за деньги любую увлекательную историю расскажут. А выяснить на месте пока не получается – во внутренних провинциях Кении сейчас жизнь чужака, тем более белого, не стоит и гроша.

И вот, согласно нашей информации, «где-то в конце пятидесятых» такое «таинственное исчезновение» произойдет и с Растессом! Место было примечательное, там проходил Бабиновский тракт – до второй половины восемнадцатого века главный путь в Сибирь из европейской России, и на нем были не деревни, а «караулы», где жили не просто крестьяне, а служивые с семьями, для помощи и охраны путников. Якобы место считалось «нехорошим» еще по легендам коренного населения, зырян – и будто бы после там чертовщина происходила: еще в шестнадцатом веке, почти сразу после открытия тракта там группа ссыльных угличан пропала вместе со стрельцами охраны, причем как в той канадской деревне, вещи нашли нетронутыми, а людей нет. Затем в веке семнадцатом прямо на тракте исчез царский чиновник, следовавший в Сибирь с ревизией (и не один, а в сопровождении помощников и конвоя – так все вместе и сгинули). И уже при Екатерине прямо в версте от Растесса пропала экспедиция Петербургской Академии наук – будто бы ученых видели, когда они на дороге меняли поломанную ось, а после там всадники проезжали, и уже нет никого. Поскольку это не какая-то Канада, а родные края, в Конторе учинили самое тщательное расследование, и в архивах искали (ведь такие дела, как пропажа царского ревизора, должны были в бумагах до Москвы дойти) и по всему маршруту бывшего тракта расспросили жителей местных деревень и Растесса в том числе – легенд о всяких таинственных происшествиях

записали вагон и маленькую тележку, чего там только ни бывало – будто бы в девятнадцатом году там эскадрон белоказаков пропал, а еще через десяток лет какой-то уполномоченный, ехавший коллективизацию провести (ну, последнее – то как раз понятно и без чертовщины). Но, увы, ничего задокументированного (то есть доказанного достоверно) обнаружить не удалось. Что, впрочем, ни о чем не говорит – даже в Москве архивы горели и в Смуту, и при Наполеоне, и в революцию, ну а в Сибири вообще бумагами не слишком заморачивались, особенно в те времена, когда грамотные люди были в дефиците, да и по тому краю прошла война с Колчаком. То есть пропадет деревня через несколько лет, или все это бред желтой прессы – один бог знает. А пока же – поскольку была версия, что к случившемуся причастны беглые зеки, то «для чистоты эксперимента» колонию (с поселением при ней для вышедших вольных), которая и правда была неподалеку, закрыли, всех переселив. Отремонтировали тракт, пришедший местами в совершенно непроезжее состояние (во время дорожных работ никаких происшествий не отмечено) – теперь с запада от села Верхняя Косьва на машине десяток километров проскочить можно за четверть часа, если сухо, и за час, если сильно развезет, а с востока от городка Кытлым всего вдвое дальше. Телефон протянули и туда и туда. Ну и милиция бдит – посты усилены, что в Косьве, что в Кытлыме, что в самом Растессе, связью и транспортом обеспечены. И ждем, что дальше будет!

Я лично к этим мероприятиям отношение имею самое косвенное – раньше консультации давал, по поводу информации с компов «Воронежа», сейчас чаще от своей благоверной узнаю. Поскольку «иновременные» контакты, как самая важная тайна СССР, тоже входят в компетенцию «инквизиции». Может, что и раскопают еще – по мне, самая главная загадка, которую нам всем следует решать, ко всяким Дырам отношения не имеет. Конечно, если только в неслетное будущее не откроют, с которым нам бодаться пока еще рано.

Как нам коммунизм построить – не с научно-технической, это мы примерно знаем, а с общественно-политической точки зрения? Пройти по пути, по которому еще никто не прошел, с которого там мы свалились в канаву! Кто бы подсказал – вот если Ефремову это удастся, сам перед Пономаренко или хоть перед самим Сталиным просить буду, чтобы Ивану Антоновичу Золотую Звезду дали, хотя бы соцтруда.

А межвременные дырки – ну, когда коммунизм здесь построим, тогда и будет это актуальным, свет самого передового учения в параллельные миры нести. Хотя не удивлюсь, если я до этого доживу. Поскольку текущий 1955 год здесь явно не

соответствует этому же году там – по научно-техническому развитию. За свой фронт скажу, наши атомные первенцы по концепции и тактико-техническим данным более похожи не на «китов» (лодки проекта 627), а «ершей» (проект 671, уже следующее поколение атомарин), а ведь даже «627х» не было у нас в строю в том пятьдесят пятом, тем более числом тринадцать единиц! И не только промышленность и технологии у нас идут с опережением, фундаментальная наука тоже. Только что вышла статья академика Александрова – одного из наших, посвященных в тайну «Рассвета» – про Большой Взрыв и «то, что было до него». Сначала он сделал научный доклад в Академии Наук, а потом уже статью выпустил для всех советских граждан, чтобы и всем, а не только светилам науки, понятно было, о чем речь. Это ведь в наше время считалось само собой разумеющимся, что вся Вселенная появилась из Большого Взрыва. А сейчас, в 1955 году – это, оказывается, вопрос еще спорный.

Георгий Гамов (бывший наш соотечественник, в 30-х годах сбежавший за границу, хотя все говорят, что ученый он все равно гениальный) утверждает, что все химические элементы таблицы Менделеева возникли при Большом Взрыве. И есть у него непримиримый оппонент – Фред Хойл из Британии, – который говорит, что Вселенная была всегда, а химические элементы постоянно создавались и создаются в недрах звезд и при взрывах сверхновых. И Хойл вроде бы доказал, что все элементы в Большом Взрыве возникнуть никак не могли. Обе эти версии Александров в своей статье сначала описал, а потом сообщил, что оба и правы, и не правы: по его гипотезе, сначала произошел Большой Взрыв, в котором возникли водород, гелий и немного лития – как Гамов говорит. А потом уже из этих трех элементов сформировались первые звезды, в которых постепенно появились все остальные элементы – как говорит Хойл. Александров даже указал на способ подтвердить свою гипотезу: если при наблюдении за космосом обнаружат, что там гелия больше, чем могло возникнуть в звездах, – значит, вселенная не существовала вечно, а был Большой Взрыв. И далекие галактики должны будут сильно отличаться от ближних – так как мы их видим такими, какими они были в далеком прошлом. Ну, Александрову легко, он ведь все это из наших книг из будущего узнал. Хотя, наверное, все равно пришлось потрудиться, чтобы сведениям из научно-популярной книги вид научной гипотезы придать...

Так же Александров высказал мнение, что микроволновое реликтовое излучение космоса имеет температуру не более 3 градусов по Кельвину, и указал на ошибку в расчетах Гамова, который посчитал, что оно не меньше 50 градусов. Наш академик даже утверждал, что это излучение в этом году уже было замечено радиоастрономами Пулковской обсерватории, хотя нынешние средства

измерения пока недостаточно точны, чтобы в этом убедиться наверняка. Но в ближайшие годы, как только создадут более точные приборы, все будет установлено точно. Не ограничившись этим, Александров высказал предположение (хотя из книг нашего времени знает точно, что у нас была действующая теория), что во время Большого Взрыва или прямо перед ним Вселенная, бывшая сначала очень маленькой частицей, мгновенно раздулась до огромных размеров – больше, чем теперь мы можем видеть в телескопы! А потом уже взорвалась, когда огромная энергия «конденсировалась» – превратилась – в материю. И теории Эйнштейна это не противоречило, поскольку при том расширении не какой-то объект двигался в пространстве, а само пространство растянулось со скоростью куда больше скорости света. А мельчайшие отклонения, которые в той маленькой Вселенной были – когда она раздулась, стали облаками материи, из которых появились галактики. Правда, под влиянием чего именно Вселенная так стремительно расширилась, академик не смог сказать.

«Предвидя простой вопрос читателей: «если Вселенная сначала была маленькой частицей, то что же было тогда вокруг этой частицы?» – пишет Александров, – могу ответить только: «ничего». Так как все наше пространство, время и материя заключались тогда внутри частицы – вне ее не было ни пространства, ни времени, ни материи. Точно так же, видимо, их не было и до того, как эта частица – зародыш нашей Вселенной – появилась (и, возможно, она была не первой попыткой природы создать «что-то»). Но не думаю все же, что это «ничего» стоит рассматривать как «ничего абсолютное» – это будет значить лишь то, что там и тогда не было привычных нам понятий пространства, времени и материи. А что же было?.. Пока на это вряд ли можно дать ответ. Чтобы понять процесс возникновения Вселенной, нам предстоит изучить и узнать еще немало...»

Статья вызвала среди ученых споры: кто согласился с этой моделью, кто нет. Гамов сообщил, что перепроверил свои расчеты и вынужден признать большую точность модели академика Александрова. Хойл ни с чем не согласился, как и другие сторонники «вечной и несотворимой Вселенной». Однако опровергнуть никто не мог – фактов не было, а на все теоретические возражения есть ответ, что в скором будущем необходимые научные данные наверняка будут получены и или подтвердят, или опровергнут (но мы-то знаем, что подтвердят). Нашелся и у нас, среди советских ученых какой-то критик, который объявил, что данная гипотеза «противоречит марксизму-ленинизму, а потому не может быть верной», но его быстро заткнули – товарищ Сталин тоже с наукой нашего времени уже ознакомился, а без его санкции Александров, понятно, не стал бы свои работы

публиковать.

И это не первый случай применения послезнания в науке. Наши ученые, посвященные в проект, уже рассчитывают, что на десять-двадцать лет ее развитие ускорят – и всего лишь за счет таких открытий, про которые в наше время всегда могли сказать: «странно, что раньше не открыли». Теперь в этой временной линии как раз и откроют. Такими темпами, в здешнем 1991 году вполне может быть наука и техника, как у нас в 2012-м? Так я еще и до полета советской экспедиции на Марс доживу! Или до открытия межвременных проходов – все ж любопытно узнать, что в той истории творится.

– Мой Адмирал, вы опять думаете о делах? – улыбается Аня. – Можно забыть о них хотя бы сегодня? Хочется и потанцевать!

И оркестр заиграл «Севастопольский вальс», про золотые деньки. Надеюсь, в следующие несколько минут нам войны никто не объявит – а то, что где-то далеко на краю земли, обойдется без нас. Хорошо все же жить в сильной стране, которую все в мире уважают. Или боятся!

И не скажу я никому, даже Ане, что снова являлась мне во сне некая личность, как одиннадцать лет назад. Заявив с гнусной ухмылкой:

– Вы, люди, обвиняете меня в ужасных кознях – устраиваемых с целью получить власть над миром. Неужели вы не понимаете, что если бы я эту абсолютную власть получил – то это было бы так же скучно, как играть в шахматы самому с собой? Гораздо интереснее (и с научной точки зрения тоже) смотреть, как вы, со свободой воли, вовсе не послушные фигурки – и сами устраиваете на земле такой ад, что у меня бы фантазии не хватило. Дерзайте дальше – а я буду лишь смотреть!

Сгинь, рогатый, нету тебя! Ты не больше, чем игра моего воображения. Слышал я, что в сне (как и в гипнозе) из подсознания лезет то, чего ты больше всего боишься. Ну, так я здесь боюсь по-настоящему и всерьез лишь двух вещей!

По минимуму – вот проснусь я в своей каюте на борту «Воронежа» в том 2012 году, и окажется, что все наши приключения это сон – и наша Победа на год раньше, и Аня, и наши дети. С вариантом – «служба хронополиции века двадцать пятого приносит извинения, что вынуждена пресечь». Или то же самое

– от высокоумных пришельцев.

А по максимуму – что все здесь закончится Третьей мировой. На что, кстати, эта личность из моего сна делала недвусмысленные намеки, «от вашего вмешательства в историю, в масштабах всей планеты, число смертей увеличилось – а то ли будет дальше?»

Ну хоть и правда к попу на исповедь идти – раз психолога под рукой нет!

Академик АН СССР А. П. Александров.

Об ускорении развития некоторых областей теоретической физики (1955)

Как использовать информацию о развитии науки будущего с наибольшей пользой для государственных интересов СССР?

Что-то, безусловно, должно быть засекречено. Но часть – в основном относящаяся к теоретической физике, но не имеющую практического значения в ближайшие полвека, можно было выпустить в открытый доступ, при условии сокрытия инновременного происхождения этих знаний.

Найденный способ решения задачи оказался прост: ускорить естественный прогресс науки за счет нескольких небольших воздействий. В дальнейшем все должно было прийти в движение само собой, подобно лавине, сброшенной небольшим толчком. Таким толчком должно было стать обращение к теории Калуцы-Клейна.

Еще в 1919 году немецкий математик Теодор Калуца попытался объединить теорию гравитации Эйнштейна и теорию света Максвелла путем введения дополнительного пространственного (пятого) измерения. Затем, в 1926 году, шведский математик Оскар Клейн дополнил эту теорию, приняв названное измерение за очень малую величину, благодаря чему оно и остается незамеченным нами. Впоследствии теория Калуцы-Клейна была отброшена наукой отчасти из-за невозможности экспериментального подтверждения, отчасти из-за триумфального шествия квантовой механики, которая, казалось, может совсем вытеснить теорию Эйнштейна. Кроме того, Оскар Клейн еще в

1938 году объявил, что нашел способ обобщить работу Максвелла с учетом симметрии высшего порядка – фактически он открыл поля, названные в мире «Рассвета» полями Янга – Миллса, на 16 лет раньше собственно Янга и Миллса, однако из-за войны и всеобщего увлечения квантовой теорией его открытие не привлекло нужного внимания. Нашим первым шагом стало внимательное изучение теории Калуцы – Клейна – широкая публикация в советской научной литературе в 1949 году. А «поля Янга – Миллса» (по терминологии мира «Рассвета») – названы «полями Клейна» в честь своего истинного первооткрывателя.

Второй шаг также был прост и заключался во введении в теорию Калуцы – Клейна N -го числа дополнительных измерений вместо одного – итогом стало открытие того, что при N измерений теория Калуцы – Клейна с легкостью сводится к полю Клейна – и теория теперь может объединить в себе все четыре известных нам взаимодействия: гравитацию, электромагнитное, сильное и слабое! Работы, посвященные этому открытию, были опубликованы нашими математиками в 1950 году. Это уже привлекло некоторое внимание ученых всего мира, однако не столь значительное, как нам бы хотелось: поля Клейна были слишком сложны для расчетов и не давали конечных и значимых величин для простых взаимодействий. Большинство сочли их тупиковым путем.

Таким образом, третий наш шаг заключался в том, чтобы, основываясь на теории калибровочной инвариантности Германа Вейля, разработать новые математические методы ренормализации поля Клейна и доказать, что оно является корректной и однозначной теорией взаимодействия частиц. Эта работа была завершена нашими математиками в 1954 году (в мире «Рассвета» – только в 1971 году), к сожалению, уже после смерти Теодора Калуцы. На этот раз реакция научного сообщества была молниеносной и бурной – все поняли, какие возможности дает новое открытие – в перспективе объединение трех фундаментальных взаимодействий из четырех (за исключением гравитации). На данный момент на эту тему написано уже немало научных работ учеными всего мира, и, полагаю, это только начало – итогом должно стать создание Стандартной Модели – всеобъемлющей теории материи, так как именно к ее созданию привело изучение полей Янга – Миллса в мире «Рассвета». Возможно, мы ускорили ее создание почти на два десятилетия! На данный момент нам уже не нужна помощь послезнания при работах в данном направлении – получив первоначальный толчок, наука отлично продвигается вперед сама.

Нашим четвертым шагом должно стать указание на то, что многие свойства элементарных частиц, участвующих в сильном взаимодействии, описываются бета-функцией Эйлера – это открытие в мире «Рассвета» положило начало теории струн, впоследствии принявшей многомерный характер. Но на данный момент у нас пока недостаточно как теоретических, так и экспериментальных данных для этого. Все же я полагаю, что вскоре, в пределах нескольких лет, мы получим их и сможем создать условия для возникновения теории струн намного раньше 1968 года (как в мире «Рассвета»). Кроме того, в том же 1954 году нами было принято решение о публикации гипотезы о кварках – субчастицах с дробным электрическим зарядом, которые являются составными частями всех «элементарных» частиц классов барионы и мезоны. И хотя эта гипотеза пока не принята большей частью мирового ученого сообщества, на ее основе были предсказаны некоторые новые элементарные частицы, которые, как мы уверены, в скором будущем должны быть обнаружены. Подтверждение существования кварков также внесет свою лепту в ускорение развития физики элементарных частиц.

Наконец, в настоящее время вполне возможно выдвинуть гипотезу процесса, названного в будущем инфляцией, при зарождении Вселенной – но пока лишь в форме предположения. Подтвердить ее мы не можем, пока не будут проведены серьезные исследования в области элементарных частиц, и едва ли сейчас она будет принята всерьез современной наукой, но все же может помочь обратить внимание и на эту область исследований.

Иван Антонович Ефремов.

Писатель-фантаст, а еще член-корреспондент АН СССР,

профессор, зав. отделом Палеонтологического института АН СССР.

Москва, февраль, 1955.

В руках только что вышедший номер журнала «Техника – молодежи», первый за этот год. На обложке женское лицо на фоне звезд. Как иллюстрация к его роману, начавшему публиковаться с этого номера. «Туманность Андромеды» – название то же. Вот только в иной истории это было ровно двумя годами позже. Тот же журнал, и даже рисунок на обложке похож – но дата была январь

пятьдесят седьмого, два года тому вперед.

Жизнь оказалась сильнее любой фантастики. В будущее заглянуть не в воображении, а реально – узнать, каким оно будет... или могло бы быть? Поскольку советская наука (те, кто были в Тайну посвящены) к выводу пришла, что этот мир «параллельный» тому, отделился от него в точке ветвления, 4 июля 1942 года, с момента попадания сюда подводной лодки «Воронеж» – и теперь будущее этой исторической реальности никак не предопределено, а полностью в наших руках. Или все-таки предопределено – ведь закономерности общественного развития, тенденции, действующие там, они никуда не делись, и здесь так же проявятся? Но «кто предупрежден, тот вооружен» – и вот, уже «орден Рассвета», кому по факту принадлежит власть в СССР, готов сделать все, чтобы избежать «перестройки» и предательства Горбачева.

Как Иван Антонович относился к Сталину? В молодости он и впрямь был убежден, что товарищ Сталин – самый достойный человек, раз Коммунистическая партия избрала его своим генеральным секретарем! Затем, став старше, Ефремов изменил мнение, на что было три причины.

Во-первых, сам чуждый всякому тщеславию, он не мог одобрить принимающие все большие масштабы славословия Вождю. Во-вторых, как ему казалось, одновременно с развитием этого «культа личности» Сталин забирал все больше власти в свои руки, становясь никому не подотчетным единоличным правителем, что в его глазах было явлением чуждым коммунизму и даже контрреволюционным. И в-третьих, конечно, были таинственные аресты второй половины тридцатых годов. Тогда они коснулись некоторых достаточно близких Ивану Антоновичу людей – были арестованы отец его первой жены Ксении Николай Свитальский, руководитель первой его палеонтологической экспедиции Михаил Баярунас (оба, как выяснилось уже после войны – по ложным обвинениям и наветам), сын Анны Ахматовой Лев Гумилев, правда, через два года освобожденный – Ефремов тогда, когда все боялись связываться с вернувшимся из заключения молодым человеком, помог ему найти работу. И если в 1936 году Ефремов написал письмо Сталину, прося предоставить Палеонтологическому институту помещения в Москве (тогда Иосиф Виссарионыч в обход всей бюрократии удовлетворил просьбу, и для музея выделили одно пустующее здание), то в 1939-м, когда вновь назрела необходимость в помещениях (ПИН все еще занимал лишь четверть той площади, которая была необходима для расположения всех его коллекций), новое адресованное генеральному секретарю партии письмо с мольбой о помощи – так и осталось не

отправленным. Посоветовавшись, Ефремов и Орлов решили не рисковать – мало ли как отреагирует «кто-то там, наверху» на недовольство сотрудников ПИНа существующим положением и бездействием Академии Наук? Но тем не менее, несмотря на все это, Ефремов отчетливо видел, что советское общество продолжает двигаться вперед, к далекому коммунизму. «Сталинская контрреволюция», как он считал, не могла этому помешать.

Потом началась война, и тут уже Иван Антонович перестал возражать против излишней концентрации власти в руках одного правителя – сам готовый ради победы и спасения страны пожертвовать всем, он отлично понимал необходимость твердой власти – пусть даже в руках не самого, с его точки зрения, верного коммуниста. А вот после войны... Тогда, к удивлению Ефремова, Сталин резко сменил политику – был взят курс на одобрение конструктивной критики, возвращались из лагерей и реабилитировались невинно осужденные, даже тех самых славословий как будто стало поменьше. Что же произошло с генеральным секретарем партии? Урок войны его изменил, что он решил вернуться на истинно коммунистический путь? Но все же настороженность в отношении к Сталину у него оставалась – до момента приглашения на ту самую судьбоносную встречу.

Тогда Ефремов узнал не только о прибытии потомков из будущего. Ему стало ясным и многое о неизвестной рядовым гражданам политической подоплеке событий тридцатых годов, о тайной борьбе внутри партии, отражением которой, к несчастью, стали и массовые аресты среди народа, о стремлении Сталина сохранить и спасти Советское государство. А еще ему впервые довелось лично беседовать с Вождем, причем в «полуофициальной» обстановке.

– Не было выхода другого, а вы и решили – «контрреволюция», – мрачно произнес тогда Иосиф Виссарионыч. Он, конечно, знал о мнении Ефремова насчет себя – еще бы не знать, прочитав всю биографию писателя. – А славословия... Думаете, я сам их люблю?.. Впрочем, не скрою, и я лично в другой истории после войны наделал ошибок. Теперь это не повторится. Вот лучше подумайте, что произошло в те шестидесятые годы. Под слова о возвращении к настоящему коммунизму насадили среди граждан мещанство и потребительство!

И это было правдой, как выяснил Ефремов, почитав кое-что из «попаданческих» книг и документов, в том числе и свою собственную биографию – большое беспокойство о будущем сквозило в его же словах, написанных и сказанных под

конец жизни, куда большее, чем то, что он чувствовал даже в тридцатые годы. Что-то произошло со всем советским обществом, что стремление к коммунизму переродилось в обывательскую жажду повышения материального благополучия, которое можно повышать бесконечно и так никогда и не удовлетвориться достигнутым. Ведь разве можно удовлетворить бесконечно растущие материальные потребности, как наивно обещал этот Хрущев?!

А товарищ Сталин (да, как теперь стало ясно, именно товарищ!) – искренне хотел и пытался открыть советскому народу путь именно к настоящему коммунизму. И ведь реально было, «принял страну с сохой, оставил с атомной бомбой» – а теперь похоже, выйдет, еще и с космическими ракетами. И был абсолютно прав, говоря, что «мы должны успеть пробежать двухсотлетний путь за двадцать лет», иначе нас раздавят. Что было бы, если СССР в 1941 году не успел бы далеко уйти от того, чем был в конце двадцатых – до пятилеток, индустриализации, колхозов? Да, были перегибы – но надо было рвать вперед, не считаясь ни с чем, и не имея послезнания. Характерно, что сейчас, после войны и Победы, народ в массе думает так же – «значит, Вождь уже тогда знал, и правильно гайки закручивал, зато когда Гитлер напал, мы были готовы».

Сейчас, получив разгон, СССР, вместе с примкнувшими к нему ГДР, Народной Италией и прочими странами соцлагеря, летел вперед семимильными шагами – то, что можно было видеть сегодня, отличалось от предвоенных тридцатых еще больше, чем те годы первых пятилеток, Днепрогэса и Магнитки, от полуголодных нэповских двадцатых. На кадрах старой кинохроники сохранилось, как комсомольцы-строители Сталинградского тракторного бегали с тачками и ногами формовали бетон. Сегодня Ефремов, вместе с делегацией от Союза Писателей, на стройке нового завода в Подмосковье видел, как цеха делали конвейерным методом – стены и перекрытия формируются на стапеле, затем все это в сборке отъезжает по рельсовым путям в нужное место[4 - Эта технология промышленного строительства описана в журнале «Наука и жизнь», начало 1980-х.], причем сваи под фундамент забиваются «пушечным» способом (гораздо более дешевым, чем бурение), а в твердых грунтах, вплоть до гранита, проходка ведется подземными ракетами, буквально выжигая скважину за считанные минуты[5 - И это не фантастика, подземные ракеты Циферова.]. Линии электропередач стали уже обычной чертой пейзажа (по крайней мере, в Европейской части Союза). Быстроходные корабли на подводных крыльях ходят по Волге, от Ярославля до Астрахани. А на линии Аэрофлота в прошлом году наконец вышли реактивные Ту-104 (одновременно с немецкими «бааде»). И жить стало лучше для простого советского человека – очень многие семьи (квартиру давали прежде всего семейным, особенно с детьми) переселялись из бараков в

новые блочные дома, в иной истории эти пятиэтажки звали «хрущевками», а в этой отчего-то «кубиками». В квартирах уже не редкостью были не только радиолы, но и телевизоры, причем после «КВН» с экраном размером с открытку, в магазинах уже были «Норд-2», изображение с журнальный лист. Частных машин на улицах становилось все больше. И выглядели советские люди (по крайней мере, в Москве) вполне на европейском уровне. Впрочем, про это Тася могла бы лучше рассказать – поскольку, подружившись с «самой Смоленцевой», теперь одевается в «доме русско-итальянской моды», ну а зарплаты Ефремова вполне хватает, чтобы любимую женщину не стеснять.

– А вы пишете, Иван Антонович. И ни о чем больше не беспокоитесь!

Лишь взявшись за роман, Ефремов понял трудность и громадность предстоящей задачи. Марксизм справедливо утверждает, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Чтобы массы лучше поняли, эту идею полезно сформировать в виде Книги – не обязательно научной, как «Капитал», художественное произведение воздействует на умы еще доходчивее, всеобъемлюще и быстрее. Такой Книгой для первого революционного поколения была «Как закалялась сталь» Островского – призывая «будь таким, как Павка Корчагин». Но время сменилось, и выросли уже дети тех «корчагиных». Какие книги читать им?

Островскому было легче – он писал о лучших чертах будущего, существующих сейчас. А Ефремову надо написать о том, что пока есть лишь в проекте. Которого не знали даже люди из будущего. Октябрь был подлинно величайшим событием двадцатого века – ведь прежняя царская Россия была хрустом французской булки лишь для ничтожного меньшинства населения, а подавляющая часть жила почти в нищете и невежестве, по переписи 1897 года грамотными были лишь четверть, с интервалом в пять-семь лет по деревням прокатывался голод (что творилось в 1891 году, прочтите публицистику Льва Толстого, вот только после не напишут «либералы» про тот голодомор), каждый третий ребенок умирал, не дожив до года – и у всей этой массы ни в чем не виноватых людей не было перспектив подняться наверх. Октябрь дал им шанс, «кто был никем, тот станет всем» – при советской власти миллионы людей из деревни ушли в города, получили образование. Попутным эффектом было то «русское экономическое чудо», которого не поняли даже Рузвельт с Черчиллем и которое спасло нас в войну – ведь на заводы пришли люди с еще крестьянской психологией, «будешь плохо работать, зимой с голоду помрешь» и огромной мотивацией к получению знаний, так что трудовой энтузиазм первых пятилеток был вовсе не

«пропагандой». И вот цель, за которую сражались «корчагины», достигнута – та Книга прочитана до конца. «Молодая гвардия» Фадеева была Книгой воевавшего поколения, теперь прочитана и она – мы победили, но нельзя жить одной лишь прошлой Победой, надо идти дальше. Куда идти?

В той истории грубо ошибся Хрущев, провозгласив – повышайте уровень жизни. Но не прав и адмирал Лазарев, сказав – СССР рухнул потому, что проиграл потребительскую гонку, дали людям отдельные квартиры, телевизоры, а вот автомобили и видеоманитофоны не смогли, и было ясно, что не сумеем. Нет – это было поводом, а не причиной. Постаревшие «корчагины» и выжившие «олеги кошевые», став вождями, не могли понять, ведь мы дали детям и внукам то, о чем сами в их годы лишь мечтали: жилье, образование, медицину, им не надо бояться ни голода, ни безработицы, ни даже повторения сорок первого года – так какого черта вам надо что-то еще, зачем вам рок-н-ролл, джинсы и мини-юбки? А причина была в том, что дети приняли ваши достижения за базовый уровень, фундамент – ну а дальше куда идти? И пошли в перестройку, так же как западная молодежь в том шестьдесят восьмом – в хиппарский протест и секс-революцию!

В этой истории – что-то уже меняется. К чести Сталина (и «рассветовцев»), увидев проблему, они искренно пытались ее решить, причем вовсе не средствами «держат и не пущать» – помня, что на том царский режим и погорел, вытеснив всех «пассионарных» в лагерь революции. Хотя Ефремову показалось, что Вождь (не умерший в марте пятьдесят третьего, как там) уже ощутимо сдал, годы берут свое, и все чаще вместо него на публике появляется Пономаренко – говорят, что после Сталин у него «экзамен принимает». Однако статьи по идеологии регулярно выходят в «Правде» с прежней подписью. Что ж, это даже льстит, что его, Ефремова, теория, что «красота есть подсознательно осознаваемая целесообразность» из ненаписанного еще здесь «Лезвия бритвы» вошла в труды Вождя частью «об этике и эстетике». Поскольку по марксистско-ленинской теории, выживанию общества способствуют взаимопомощь, коллективизм – то это и воспринимается как прекрасное. И пусть капиталисты носятся со своей «конкурентоспособностью» и «человек человеку – волк». Есть сейчас в США такая Энн Рэнд, проповедующая совсем уж дикие взгляды, абсолютная конкуренция, совсем уж оголтелый социал-дарвинизм, «любого загрызу, кто мне горло подставит, и ради его же блага, чтобы он себя в тонусе держал» – неужели капиталисты были настолько глупы, что не понимали преимущества коллектива над одиночкой? Нет – там все глубже и подлее было!

– Верно, в капитализме «человек человеку волк», да только волки, звери стайные, у них чужака рви, а своего не трожь. На Диком Западе, если вам вручали звезду шерифа, вы обязаны были служить не Америке, а конкретно этому городку. А в протестантской вере, как в любой другой, наличествует вопрос, если ты успешен, то от бога или черта твое богатство? И оттого у них даже самый яркий поборник протестантской этики считал себя обязанным жертвовать на благотворительность, чтоб показать, «я на стороне света». Душок, конечно, был – например, на детский приют доллар дать можно, а на помощь престарелым уже нет – кто на должную старость не скопил, тот сам виноват. Но жить «по Рэнд» даже в мире капитала было принято лишь в крайнем случае, «Боливар не вынесет двоих». Это поганое учение подавалось исключительно как экспортный товар, «конкурируйте между собой, нам легче будет вас сожрать поодиночке». Между прочим, эта Рэнд, родившись в Петербурге в 1905-м, изначально звалась Алиса Зиновьевна Розенбаум. А такие, как она, к нам в девяностые и двухтысячные приезжали учить, на всяких «бизнес-университетах», «курсах по развитию делового мышления», и даже в школы заявлялись, говоря, что «помогая кому-то, вы оказываете ему плохую услугу – пусть учится выбирать сам. Ну а не сможет, значит, неконкурентоспособен и должен уйти». В итоге, по России там словно Гитлер прошел – заводы закрывались, города разрушались, народ вымирал. Может, книгу Рэнд у нас напечатать, конечно, с комментариями – чтобы и наши люди прививку получили от ее людоедских взглядов? Или вообще, издать кое-что из литературы тех лет, под маркой нового направления, «социальная фантастика»?

Пока что в СССР быстро набирала популярность фантастика космическая, оттесняя прежнее направление «ближнего прицела». Летом прошлого года вышли «220 дней на звездолете» Мартынова, в этом году должно быть продолжение, про приключения на Венере. Хотя в будущем установят, что нет там океана, джунглей и разумных существ – решили оставить все как есть, тем более что Мартынов в Тайну не посвящен. Надо заметить, что чистые приключения, сюжет у него выходят очень неплохо. Но ведь фантастика не должна приключенческую литературу подменять.

– Фантастика это как зеркало будущего, – сказала Анна Лазарева, ставшая «главноопекающей» для Ефремова, – или скорее, хрустальный шар провидца. Картины в котором могут быть зыбки и отрывочны – вот насколько мир, изображенный Жюль Верном, похож на наш двадцатый век? – но они готовят нас к тому, с чем мы встретимся завтра. Показывают нам возможный выбор – даже не столько научно-технический, как морально-философский. Там, Иван Антонович, вам это удалось – отчего вы в историю самым великим советским

фантастом и вошли. Ну а «ближний прицел» и приключения тоже пусть будут – на своем месте.

Интересно, о чем Лазарева говорила с Еленой Дометьевной, что та согласилась наконец дать Ефремову развод? И Тася, его Таис, сейчас исполняет обязанности не только его секретаря, но и целой «начальницы секретариата». Поскольку Анна Петровна сдержала слово, обеспечив Ивану Антоновичу доступ к архивам. Включая и те, которые в сорок четвертом из Ватикана были вывезены – и в Рим возвращены, после того как у нас копии с документов сняли. А также огромное количество первоисточников из Германии, Австрии, даже Маньчжурии и Китая. Ефремов с удивлением узнал, что на него работают больше десятка людей – в основном студенты с истфака. Ищут в каталогах и хранилищах, чтобы ему на стол ответ на его запрос положить – возможно, всего одну строчку или пару слов в будущий роман.

– Интернета у нас пока нет, но подобие его в «ручном режиме» для вас персонально создать сможем. Вы только творите.

Персонально? Как после оказалось, за участие в закрытом проекте под кодом «П-202» Ефремову даже какие-то деньги полагались. По той же ведомости, что его «ассистентам». Причем короткий код, как просветил Орлов, на правах директора ПИНа и старого друга, означал – заказчиком выступает Служба Партийной Безопасности, или иная столь же серьезная Контора.

– Да, это наша работа. В мире «Рассвета» было, что «СССР получал нужную информацию даже более полно, чем Запад, но отставал в ее анализе». Товарищ Пономаренко поставил задачу решить эту проблему. Изучаем информационные потоки, их оптимальную структуру, скорость взаимодействия... Если желаете узнать подробнее, для своего романа, то вам надо у наших математиков спросить, я сама матаппаратом исключительно как пользователь владею. И ваш случай, это один из многих – на чем еще процесс изучать?

Так может, и участие «инквизиторов» в личных делах Ефремова вызвано лишь тем, что Тася, «начальник секретариата» в рамках поставленной задачи оказывается более на своем месте, чем Елена Дометьевна, коллега-палеонтолог? Как у Вьюшкова, кого Иван Антонович в свои преемники на ниве палеонтологии наметил, вдруг появилась какая-то Вера. Ладно, раньше жилья не было, даму даже в гости пригласить некуда, не то что о семье думать, а теперь в новом доме трехкомнатную квартиру дали, одиночке, не семейному еще – случай

беспрецедентный, но «ведь женится же он когда-нибудь – а научному работнику отдельный кабинет положен». И девушка явно непростая, «пантерообразность» по типу Смоленцевой, да и самой Анны Петровны так и ощущается – разговор, пластика, «свободнолетающий» стиль в одежде. Так разве можно – семью по приказу создавать?

– Нет никакого приказа, Иван Антонович. А как у вас в «Часе быка» – «двое, после подготовки, получают статус надолго влюбленных». У нас никому не велят, а лишь предлагают – кто хочет стать ангелом-хранителем для хорошего человека? Присмотрись, познакомься – а если душа не лежит, то в сторону отойди, попробует другая. Любовь – она ведь самая крепкая, когда не вулкан страстей, который может скоро погаснуть, а дружба и уважение. «Брак по расчету самый прочный – когда расчет правильный». Теперь хороший человек, Борис Павлович Вьюшков, не погибнет совершенно глупо в тридцать два года, а станет профессором и членкорром, вам на смену. Проживет долгую и счастливую жизнь, увидит своих детей и внуков. Разве это плохо – и просто по-человечески, а не ради политической выгоды?

Но все-таки... Ведь политика склонна давить, подминать все, что ей мешает. Поддерживала бы меня ваша Служба, если бы я не был тем, кем стал в иной истории? А просто Иван Ефремов, ученый-палеонтолог.

– Иван Антонович, дорогой вы наш! «Политика», как вы выразились, обратится против вас в единственном случае – если вы, как Солженицын, пойдете против СССР. Но ведь этого не случится никогда? Знаю, что в той истории на вас, уже после вашей смерти, заводили дело в КГБ. Но я очень надеюсь, что при нашей кадровой политике, в органах у нас не будет дураков и карьеристов через двадцать лет. Да и вы сами, как сказал почтенный Бахадыр, после его процедур лишних лет десять минимум проживете – а хотелось бы и больше. Впрочем, вы же к нему ходите, два раза в месяц, «проверяете настройки вашего организма». Вот так и наша Служба, играет ту же роль для советского общества в целом.

Что ж – СССР в этой реальности, конечно, не был раем, однако же, перефразируя некоего философа, «был меньше похож на ад». Насколько Ефремов понял главную политическую линию партии, здесь упор делается не на «благосостояние» как самоцель, а на творчество масс. Дающее прямой эффект – как «щекинский метод» в промышленности, «метод Худенко» в сельском хозяйстве – а также творчество научно-техническое, литературное, да какое угодно, «чем ты можешь помочь нашей стране». И оставалось лишь гадать,

какие конкретные формы это примет через три тысячи лет – и перед этим главным вопросом, лишь по разряду «прочее» шли всякие мелкие детали, которые любил уточнять Кунцевич (принявший на себя роль едва ли не главного советника и критика Ефремова по деталям мира будущего).

– Простите, Иван Антонович, а как у вас может вообще существовать Великое Кольцо? Если существует возможность пробоя в пространстве – опыт Рен Боза, затем изобретение звездолетов прямого луча. Ну и мы сюда каким-то образом через пространственно-временной континуум попали, экспериментально сей факт установив. А раз какой-то природный процесс в принципе возможен – значит, лишь вопрос науки и техники научиться его искусственно использовать. И у вас тысячи и десятки тысяч разумных цивилизаций, за миллионы лет – и никто не сумел сделать то, что землянам удалось? При том, что нас от древних египтян всего какие-то четыре тысячи лет отделяют, микросекунда по галактической мерке – ну а мир вашей «Андромеды» от неандертальцев, допустим, пятьдесят тысяч лет, чуть больше десятка микросекунд. Да в вашей Вселенной давно бы уже прямое почтовое и пассажирское сообщение установилось между всеми разумными мирами – зачем тогда эфир засорять тем, что лишь через сотни и тысячи лет примут?

– Вы забываете, что земляне в эпоху Великого Кольца уже не изолированная цивилизация одной планеты, – ответил Иван Антонович. – Присоединившись к Кольцу, они получили доступ к знаниям этих самых тысяч и десятков тысяч цивилизаций, точно так же, как и любая из этих цивилизаций имеет доступ к знаниям Земли и прочих планет – с поправкой на некоторое время, необходимое на их пересылку по радиосвязи, конечно. Таким образом, земляне в своем научном поиске решений новых задач находились в равных условиях с прочими цивилизациями Кольца, даже с теми, которые намного старше. Постоянный обмен знаниями уравнивает шансы разных планет на совершение нового открытия. И вот так получилось, что честь быть первыми выпала Земле. И прочтите внимательнее – в романе цивилизации Великого Кольца относительно «молодые», с разницей от земной в тысячи и десятки тысяч лет, но не миллионы. Более древние цивилизации есть в центре галактики, но их сигналы Великое Кольцо еще не расшифровало – об этом тоже есть в книге. Причину же, по которой представители этих древних цивилизаций до сих пор не вышли на контакт – я предпочел оставить неизвестной. Пусть в сюжете останутся и тайны!

Что же касается истории вашего собственного появления здесь, Валентин Георгиевич, то она еще ничего не доказывает. Если бы все действительно было

так просто, как вы говорите – «коли природный процесс возможен и даже замечен свидетелями, то вскоре его обязательно научатся повторять искусственно» – тогда нашу, реальную, а не вымышленную, Землю уже давным-давно посетили бы инопланетяне множества различных цивилизаций. Потому что в нашей Галактике по данным из вашего времени – сотни тысяч землеподобных планет. Даже если на одной из тысячи развилась разумная жизнь, то, поскольку маловероятно, что именно наша, земная, цивилизация является самой первой и древней из них – инопланетяне, подчинившие себе тот процесс, что перебросил вас сюда, давно бы на Земле побывали и не раз! И их сверхсветовые космические корабли уже должны были бы бороздить просторы вселенной во всех направлениях!

– А вот не во всех, Иван Антонович! На Земле много ли таких вот «дырок», через какую мы сюда попали – однако попали же? Причем своей энергии не тратя, из «потенциальной ямы» не выбираясь, а как ком с горы. Значит, самая простая гипотеза – что это «нуль-пространство» анизотропно: где-то непрошибаемая стена, где-то истончается, а где-то и провалиться можно. Ну как километр в степи и километр в Гималаях, это совсем разные вещи. То есть из какой-то точки Галактики можно в строго определенную другую попасть с наименьшими энергозатратами, «тоннель» пробить – но только туда, и никуда больше, как перевал в горах. И вовсе не значит, что даже имея звездолет типа «Темного пламени», можно долететь куда душа захочет, хоть в Туманность Андромеды. Ну и мы не знаем, какая навигация в подпространстве – может, с увеличением дальности так невязка растет, что неизвестно куда вылетишь.

– Вот вы сами и нашли собственный ответ на свой же вопрос о том, почему в «Туманности Андромеды» пока не появились ЗПЛ далеких цивилизаций, – рассмеялся Ефремов. – Сами же говорите – «нуль-пространство может быть анизотропно». Наконец, ну оставьте вы бывшему моряку романтику досветовых скоростей – в чем-то схожую с романтикой парусного флота.

– Ну... пожалуй. А вообще, знаете, вы правы, вполне может быть Великое Кольцо – если цивилизации, уже открывшие «прямой луч», будут в меньшинстве, путешествия с его помощью именно в любую точку галактики – слишком сложны, а для передачи информации о своем открытии расстояние между звездами будет слишком велико. Уже после Эры Великого Кольца будет Эра Встретившихся Рук – когда усовершенствованные звездолеты-прыгуны – все или хотя бы большинство вещающих миров своим сообщением свяжут. А пока – вполне может, что именно земляне, в своем секторе Галактики, среди

ближайших разумных соседей первыми изобретут «гиперпривод».

– Еще может быть, одинакова ли у разных цивилизаций скорость научно-технического прогресса? – заметил Ефремов. – Возможно, у кого-то будут иные ценности, чем власть над природой, безудержное совершенствование мертвой техники? Если даже на Земле есть народы, развивавшие иной, духовный путь.

– В точку, Иван Антонович. Как раз ту, которая – антипример. В Ленинграде случилось мне со знакомым вам Львом Николаевичем Гумилевым пообщаться в прошлом году, когда он только что докторскую диссертацию защитил. Говорили мы в том числе и о всемирном – так заметил он, что и среди земных цивилизаций вопрос «что самое главное, самое важное» был различен. Нам, как и всем европейцам, кажется, что это – «познание окружающего мира, законов природы», из чего наша научно-техническая цивилизация и развилась, кстати, этот путь мы еще от древних греков унаследовали. А вот, например, для персов-зороастрийцев главным был вопрос, что есть Добро и что есть Зло – а всякие мелочи, вроде совершенствования плуга или конской упряжи в сравнении с этим, тьфу! Для индусов было – в кого ты переродишься после смерти. Для китайцев – как разумно общество устроить, «чтоб дети чттили отцов, а отцы заботились о детях». Однако же европейцы с их наукой оказались сильнее – не мудрее, не духовнее, но сильнее. Потому что, даже если предположить мир, где существует магия, а не какие-то духовные практики – выставить в поле сотню, тысячу обычных людей с мушкетами будет куда проще и дешевле, чем воспитать одного умельца метать файерболы. Да вы сами, Иван Антонович, через руки почтенного Бахадыра прошли, и он ведь реально помог вам, как врачи не сумели – однако же студентов-медиков обучать можно на потоке, а такие как Бахадыр это самородки, штучный товар. И где в итоге оказались китайцы и индусы во всей их мудростью, когда пришли европейские колонизаторы с пушками – и какой тип цивилизации стал в итоге господствующим на нашей планете? Маркс все же был гением, открыв, что материальное производство в конечном счете решает всё. Я не вижу планету, где могло бы иначе – ведь не может там с самого начала, с первобытных времен, быть одно единое племя, которое после породит один общий уклад? Невозможно представить землеподобную планету без разнообразия ландшафтов – а значит, по Льву Николаевичу, там будут разные племена с различными ценностями – которые породят и различные цивилизации. И достаточно среди них оказаться хоть одной «научно-технической», как она со временем согнет под себя все остальные. Просто потому, что не мудрее – а сильнее. А значит, и у тех, кто дорастет до Великого Кольца – в приоритете будет именно наш, технический путь.

– Ну, насчет индусов я с вами могу поспорить, – ответил Ефремов. – Во-первых, какое-то у вас превратное представление о мудрости, противопоставляющее ее силе. Думаете, что мудрый человек – это тот, который сидит день-деньской в каком-нибудь древнем храме и размышляет только над вопросами, не имеющими никакой связи с жизнью? Да, некоторые и современных ученых такими вот людьми представляют, нас, палеонтологов, например. Ищут, понимаешь, никому больше не интересные древние кости, а больше их ничего не интересует, – Иван Антонович подмигнул. – Разве же мы, советские ученые – не то же самое, чем были мудрецы для древних и средневековых людей? И индийская мудрость очень много на самом деле сделала для развития индийской науки и техники, вы просто не представляете, сколько. Скажем, некоторые используемые древними индийцами приемы металлургии обогнали свое время, как считают многие ученые. По-настоящему, техническая отсталость Индии от Европы проявилась лишь с наступлением в Европе эпохи капитализма.

Во-вторых, хочу вам напомнить, что в последние века Средневековья, то есть как раз в решающее для развития Европы время, в Индии у власти находились вовсе не индусы, а мусульмане – Империя Великих Моголов, высшая знать которой была скорее тюрками. По существу, Империю создали пришельцы-захватчики, чуждые Индии. Хотя они и включили в состав правящего элемента государства индусскую знать, той всегда было меньшинство. Так что сваливать возникшую техническую отсталость Индии на культуру индусов – выглядит нелогично.

И в-третьих, пока страна была единой и имела крепкую власть, она отнюдь не была слаба. Правители Моголов и поощряли развитие науки, и сами совершали немало завоевательных походов, объединив под своей властью почти весь полуостров. И на пике своего могущества войска Моголов успешно били тех же европейцев – португальцев, а затем англичан.

Империю Моголов сгубил религиозный фанатизм ее последнего крупного правителя – падишаха Аурангзеба, который устроил массовые гонения на индусов. Естественно, это привело к взрыву ответного возмущения – народным восстаниям, бунтам, мятежам наместников и вассалов, затем – к схваткам новых претендентов на власть взамен свергнутых Моголов... Индия превратилась в арену непрерывной «войны всех против всех». К этому добавились вторжения захватчиков из Ирана и Афганистана. Англичане начали завоевывать Индию всерьез, когда она была уже предельно ослаблена и разделена на много враждующих друг с другом государств. И то, когда этим государствам удавалось

заключать временные союзы – они наносили англичанам серьезные поражения. Но в итоге узкоклассовые и династические интересы местных правителей возобладали над общенациональными – и англичане разбили всех своих противников поодиночке. При этом часто используя в качестве ударной силы войска самих же индийцев...

– Ну, допустим, так, Иван Антонович, англичане дождались удобного времени, а потом использовали свое любимое «разделяй и властвуй». Но вы же не будете спорить, что Европа тогда уже стояла на самом пороге индустриальной эры – фабрики, паровые машины, железные дороги. А Индия, даже будь единой, оставалась бы еще долго «сонным царством». И если представить некий «параллельный» мир, где нет Европы – так там, наверное, все эти раджи и сейчас бы исключительно на слонах и лошадах ездили, а пар с электричеством были бы секретными знаниями касты жрецов. Ну не нужен феодалу технический прогресс!

– Не факт, – ответил Ефремов. – Тем более что в реальности-то Европа все же была, и ее влияние приводило к ускорению прогресса и в других регионах. Именно в последние десятилетия существования Империи Великих Моголов в ней наблюдались те же процессы, что ранее произошли в Европе – сращивание классов феодалов и богатого купечества. Купцы могли богатством приобретать титулы и политическое влияние, а богатые феодалы не гнушались торговать. Причем богатые купцы давали множеству ремесленников деньги на приобретение сырья и инструментов, взамен чего те должны были отдавать купцам свои товары, которые те уже продавали по своим собственным ценам – ведь это тот же самый путь, который в Европе привел к превращению купцов в хозяев мануфактур! Старая феодальная армия изживала себя, «дворяне» Империи больше привыкли к роскоши и пирам, чем к сражениям и войнам, следующим этапом должно было стать изменение структуры армии на манер Нового времени – и в некоторых государствах, образовавшихся на руинах Империи Моголов, это успело произойти до английского завоевания. Так что все шло именно по Марксу, в полном соответствии с историческим материализмом: в недрах индийского феодализма уже зарождались ростки капиталистического общества. Но разрушение Империи Великих Моголов и последующая смута задержали этот процесс, а английское завоевание замедлило его еще больше. Если бы не это, как знать... Ведь Российская империя тоже в свое время сильно отставала от той же Европы, а сейчас мы видим такой рывок вперед, который вывел Советский Союз на передовой край развития всего мира... И заметьте, я не называл землян первооткрывателями «прямого луча». Уж те, кто первые обнаружили Торманс, – точно, этот секрет не от землян получили.

– И повезло, что пришли с миром. Иван Антонович, а вам не приходило в голову, что открытие «прямого луча» в вашем мире, это открытие возможности завоевательной войны? Если представить цивилизацию, примерно как США из моего будущего плюс еще лет сто. Когда сверхпотребление съело все ресурсы планеты, и людей просто нечем кормить. Или же банально спихнуть вон лишних пассионариев, как это сделала Испания в Конкисту, пока они дома все не разнесли. В досветовую эпоху с этим будет неожиданная проблема – ну, построит Чойо Чагас тысячу звездолетов, запихнет туда миллион буйных головушек, и конечно, со всем нужным для автономного существования и производства, ведь домой они уже не вернуться, десятки и сотни лет пройдет. Но тогда колонистам обязательно придет в голову – а зачем нам дальше подчиняться кому-то, давай независимость – именно поэтому в нашем мире китайская экспансия не состоялась, как бы император власть над заморскими владениями удержал? А вот когда путь до соседних миров короткий – вполне можно прийти не колонистами, а колонизаторами, построить на чужой планете свой «город на холме», и пусть аборигены нам ресурсы добывают. Даже если биология у пришельцев совсем другая – хоть фтором дышат, как в вашем «Сердце Змеи». Или та же органика на кислороде – но отличаются базовые молекулы ДНК и белков, и чужой мир абсолютно несъедобен, токсичен и невероятно аллергенен. Будут тогда под куполом сидеть, как даже в наше время были проекты освоения Луны и Марса. Да и в фантастике, что вам дали, я помню, был роман англичанина Кристофера, как такие пришельцы Землю захватили, поставили города под куполами, где даже воздух свой, а людей превращают в зомби, надевая шлемы-импланты. Начиная с тринадцати лет – и потому героические мальчишки организуют сопротивление, тут еще оказывается, что пришельцы наш спирт не переносят, то ли валяются в отключке, то ли вообще мрут. Фантастика, конечно – но ведь и в нашем прошлом было такое, не колонизация, а колонизаторство, когда господа из-за моря землю не пашут, а лишь надзирают, как туземцы работают.

Все же сказывалось, что гости из будущего были военными людьми, узкими специалистами, детально не знакомыми с данными наук за пределами их области знаний и умений, но привыкшими от всего неизвестного ждать в первую очередь угрозы – различных гипотез о возможной инопланетной агрессии Ефремов успел выслушать от них, наверное, с десятков. К тому же ссылающихся не на научные факты, а на книги и фильмы того, вовсе не прекрасного будущего – а впрочем, какая наука может изучать еще не свершившееся, тут именно «игра воображения» выходит на первый план, да ведь и в этом времени для написания Книги выбрали его, писателя, а не кого-то из маститых ученых. Понятен также

выбор критиков – нежелательно расширять круг посвященных в эту самую главную тайну СССР, да и пришедшие из двадцать первого века сумеют дать иную оценку, чем современники, – ну а в экипаже подводной лодки служат исключительно военные, а не философы. Ну и конечно, было важно, откуда они пришли – ведь фантастика (как, впрочем, и вполне научные прогнозы) лишь проецирует в будущее уже существующие идеи, явления, но не может предсказать качественных поворотов. А такие как Кунцевич склонны этого не замечать, принимая на веру современную им боевую фантастику «западного» типа – включая и отечественную, таких как Олег Верещагин или Михаил Михеев. Написанную небесталанно – но исходя из совершенно неверных предпосылок.

Ефремов не был «прекраснодушным идеалистом», как ошибочно считали «потомки», а старался смотреть на проблему объективно. Попаданцы ссылались на очевидные примеры Гитлера или современных им США – бесспорно, если этим дать готовые Звездолеты Прямого Луча, то будет агрессия и колонизация соседних миров, как и любили показывать в своей фантастике сами американцы и европейцы (вероятно, и переносившие на инопланетян свои собственные цели и стремления). Но ведь чтобы создать подобную технику, цивилизация должна развиваться достаточно. Цивилизация «сверх-США», которая съела все ресурсы на сверхпотребление – где возьмет их (не просто много, а чудовищно много) на космическую экспансию? Представим, что США начала XXI века решат строить флот боевых звездолетов – снабдить их горючим, боеприпасами, провизией, обучить экипажи и космодесант, создать инфраструктуру для обслуживания. Потребуется еще и транспортный космофлот, снабжение и колонистов везти. Да и вряд ли удастся найти точно такую планету, как родная, значит, колонизация потребует еще и терраформирования иного мира (расходы еще больше, чем на космофлот). Такой колоссальный проект неизбежно посадит на голодный паек собственное население, уже привыкшее потреблять – не обещая никаких немедленных прибылей. Что для тех американцев абсолютно невозможно – и приведет или к социальному взрыву, или к установлению диктатуры фашистского типа.

Фашистская цивилизация, захватившая планету и завоевывающая космос? Нет и еще раз нет. Ведь predetermined самой сутью нацизма саморазрушение и деградация не позволят такой «цивилизации» выйти в дальний космос, да и в ближний, скорее всего, не получится. Для этого фашизм сначала должен будет перестать быть фашизмом...

Инопланетная цивилизация, осваивающая иные звездные системы, чтобы обеспечить безопасность своего вида от каких-либо космических катастроф? Что ж, это вовсе не та причина, чтобы воевать со встреченными цивилизациями, скорее, как раз причина для того, чтобы не воевать с ними. Опасение за судьбу своего вида может сподвигнуть на основание нескольких колоний, ну, десятка-двух максимум, но не бесконечное завоевание всего доступного пространства и тем более не на войны со всеми встреченными соседями – если это вдруг произойдет, то определенно причина должна быть совершенно иная.

Космические кочевники? Даже если они могут существовать, то почему бы им нужно было обирать любую встреченную звездную систему «до зернышка», подобно саранче, и драться за нее насмерть – ведь потребности цивилизации, привыкшей к кочевому образу жизни, не могут быть столь велики. Скорее всего, она вообще не должна задерживаться надолго в звездных системах, как непривычной среде обитания. А ресурсы одной только Солнечной системы, содержащиеся в астероидах и планетоидах пояса Койпера и кометах облака Оорта, как Ефремов узнал от самих же гостей из будущего, должны быть настолько огромны, что проблем с «дележом» их с залетными гостями – не должно возникнуть по определению.

К тому же, если цивилизация «дорастет» до полномасштабной звездной экспансии, овладев соответствующими знаниями и энергетикой нужного уровня – то безусловно овладеет и новыми способами получения ресурсов путем синтеза и распада элементов – хоть из межзвездного водорода. Тем более – из комет, планетоидов и астероидов. После чего проблема ресурсов вообще отойдет для нее в прошлое.

И главное, насчет того, какой у инопланетян мог бы быть общественный строй...

Капитализм, фашизм и нацизм, пусть даже и называемый национал-социализмом, отметились сразу – по уже указанным причинам. А «коммунизм или социализм только для своих», на который пытались сослаться попаданцы – на деле и есть тот же фашизм или нацизм, что возвращало в проблеме неизбежной гибели или свержения такого строя задолго до выхода в дальний космос. Настоящий коммунизм и социализм несовместимы с расизмом.

Регресс коммунистической или социалистической цивилизации к более низким формациям из-за каких-либо крупных катаклизмов? Так при таком «интеллектуальном одичании» именно наиболее сложноорганизованные

«сегменты» социума и пострадают сильнее всего! А это – потеря высокотехнологичных и наукоемких производств, что снова приводит к неспособности вести космическую экспансию.

«Неправильные» коммунисты, такие как маоисты и троцкисты? Но теории, подобные маоизму, никогда не смогут «завладеть» целой цивилизацией, потому что замешаны на том же национализме и псевдорелигиозной философии. А «троцкисты» – оставаясь в рамках своей идеологии, просто не способны остановиться, прежде чем уничтожат всю свою цивилизацию в итоге.

Инопланетяне-прагматики, считающие свою цивилизацию сверхценностью, ради которой можно делать с другими все, что угодно? Но на деле такой «цивилизационный солипсизм», представляющий собой субъективный идеализм в крайнем проявлении, вовсе не способствует выживаемости цивилизации. Пример тому – средневековый Китай.

– Вот так и выходит, что развившиеся до возможности межзвездных путешествий инопланетные колонисты или космические кочевники вовсе не должны воспринимать другие цивилизации как своих конкурентов, – излагал Ефремов Кунцевичу. – Точнее, не смогли бы они вообще развиваться до такого уровня, если бы раньше не изжили понятие конкуренции – а успешно сгубили бы свою собственную цивилизацию. Но чтобы прийти к такому выводу – как раз и следует изучать, как в процессе истории влияют друг на друга общественные отношения и развитие науки и техники!

– Так есть такая наука, или метод, это влияние изучающий. Зовется исторический материализм, – ответил Кунцевич.

– Так ведь именно если внимательно изучать и следовать историческому материализму и диалектике, и выходит, что не могут цивилизации, не достигшие коммунизма или хотя бы развитого социализма, вести масштабное освоение дальнего космоса! – отвечал Ефремов. – Все-таки плоховато вы знаете ту теорию, на которую и ссылаетесь, Валентин Георгиевич.

– Ну, так технологии не обязательно могут быть собственные. Тут можно вспомнить Японию, которая в кратчайший исторический срок сумела заимствовать от европейцев первоклассную военную машину. Или пиратов Магриба, которых европейцы-ренегаты научили строить многопалубные

парусные фрегаты вместо шебек. Или ситуацию, вот читал я когда-то давно книгу Романа Злотникова, как на землю напали воинственные пришельцы, звездолеты отобравшие у более древней мудрой пацифистской цивилизации – сначала мир-дружба-торговля, а затем бойня, и кто уцелел, теперь наши рабы. Ну и не факт, что в пресветлом будущем невозможны пираты-одиночки – а при разнице технологий в несколько веков, даже один корабль может на отсталой планете таких дел натворить.

– Во-первых, столь развитая цивилизация никак не может быть «наивной» – если она развилась до такого уровня, то у нее обязательно за плечами есть опыт (свой или чужой), указывающий на недопустимость передачи развитых технологий недостаточно развитым обществам. И причина этого проста и самоочевидна: слаборазвитой цивилизации нельзя передавать знания и технологии, к которым она не готова по своему социальному укладу, потому что, если она и сумеет их воспринять (что далеко не факт), то при использовании навредит либо себе, либо и себе, и окружающим. А фантастические истории о «заимствовании» агрессорами технологий «развитых, но наивных» цивилизаций, полагаю, происходят просто от невежества и недомыслия их авторов, а, возможно, и от подсознательного (или вполне сознательного) желания доказывать преимущество грубой силы над умом.

Ну а во-вторых, при этом самом заимствовании технического уклада менее развитая цивилизация неизменно вынуждена будет заимствовать у высокоразвитой также и социальный уклад, и культуру – как раз в земной истории этому примеров масса!

Ну, и наконец, «космические пираты-одиночки» – должен вам сказать, что верить в них просто смешно! Где эти таинственные преступники-одиночки будут заправляться топливом, проводить ремонт и получать запчасти? Кому они могут сбывать награбленное? Как они смогут окупить свои космические полеты? Пиратство возможно, только когда есть общественные и экономические предпосылки для него.

Так что пугающие истории об инопланетянах остаются только в фантастических книгах, не давая нам поводов дрожать от страха при поимке каждого «подозрительного» сигнала из космоса.

– Мне бы вашу уверенность, – ответил Кунцевич, – и если вы сказали, фантастика не предсказывает качественных изменений, то не значит ли это, что возникнет

какой-то «фактор X», нам сейчас пока неизвестный? И зачем завоевание – а как вам вариант (вот не помню у кого прочел, у Ахманова или того же Верещагина), что сверхцивилизация существует в форме торговых мегакорпораций. Которые вполне могут, «примите наши условия контракта, или мы вашу планету немного побомбим».

– Так это снова тот же самый капитализм, типичное его проявление, то есть вариант, уже ранее обсуждавшийся и отвергнутый, – усмехнулся Ефремов. – А что касается таинственного «фактора X» – который, очевидно, должен быть настолько неожиданным, что даже фантасты до сих пор не додумались до его сути – то, думаю, и вы согласитесь, что на такой зыбкой основе никто не станет вести серьезное планирование или описание будущего? Кроме того, если этот «фактор X» столь непредставим и непредугадываем, то и для борьбы с ним следует иметь в виду нечто столь же непредставимое и неугадываемое, что возникнет лишь в будущем. То есть выходит бесконечность, деленная на бесконечность... С таким подходом мы только сами себя запутаем, но не найдем никаких верных решений задачи.

– Иван Антонович, вы поймите, я вовсе не к космической конкисте призываю, «наш Всеземной Союз покоряет», а всего лишь порох держать сухим, не быть беззубыми пацифистами, как те ваши трое из «Часа Быка». Ну вот, я надеюсь, вы меня или Юрку Смоленцева не считаете за отмороженных бандитов? Однако в той ситуации у нас бы даже тени моральных колебаний не было – кто не убежал или ветошью не притворился, мы не виноватые.

– Знаю, знаю, – добродушно засмеялся Ефремов. – И, как человек нашей, современной, эпохи – будете абсолютно правы. Но почему вы никак не можете понять, что я вовсе не с бухты-барахты и не потому, что мне внезапно так в голову взбрело, а после долгих размышлений на тему развития коммунистического человечества – пришел к выводу, что это человечество через две-три тысячи лет эволюции должно стать именно таким, как я его описал в «Туманности Андромеды», «Сердце змеи» и «Часе быка»? Обществом свободных людей, одновременно с тем обладающих непревзойденной самодисциплиной и глубочайшим чувством ответственности за все свои действия. Обществом, в котором полностью ликвидировано насилие, и именно на отсутствии насилия в котором строится его полная безопасность для людей... Да, я прекрасно осознаю, что именно эта черта, обеспечивающая безопасность на Земле – станет ахиллесовой пятой землян при столкновении с совершенно иным обществом Торманса. Более того, не сомневаюсь, что альтернативный «я» в вашем прошлом

как раз и стремился показать такой контраст между землянами и тормансианами! Это было главной целью произведения, а значит, любые требования сделать землян более похожими на наших с вами современников – не имеют смысла! Вообще, я считаю в корне неверной тенденцию, которая постоянно проявляется у западных фантастов – механически переносить нашего современника в мир будущего. Люди невероятно далекого будущего во многом и многим должны отличаться от нас. У них совершенно другие, часто труднопредставимые и вовсе непредставимые для нас интересы. Их совершенно не интересует то, что волнует нас, и интересуют вещи, нам попросту неведомые...

Ну а насчет пацифизма – вы, видимо, плохо понимаете, что это такое. Земляне «Часа быка» – не пацифисты, не противники войны как таковой и не являются нерешительными людьми, как раз наоборот, когда надо, они действуют весьма решительно и прекрасно понимают необходимость освободительной войны – готовят на Тормансе восстание, снабжают местных единомышленников современным оружием... Все действия землян в этой книге подчинены их главному стремлению – спасению тормансиан. Пусть сами они воспитаны таким образом, что не могут применить для этого масштабное насилие, хотя бы и в благих целях – но они делают все, что могут, чтобы организовать и поднять на это тормансиан, от которых в конечном итоге и зависит судьба их родного Торманса.

Что же до вашего требования «держат порох сухим» – то оно все равно бессмысленно при той системе общественных отношений на Земле будущего, которая нарисована мной в «Туманности Андромеды». Вот вы предлагали, чтобы земляне регулярно проводили некие тренировки в военных искусствах – «на всякий случай». Но ведь то, что вы назвали «беззубым пацифизмом», происходит вовсе не от физического или технического неумения землян применять насилие – наоборот, у них есть для этого масса возможностей, ведь они физически и психически сильнее тормансиан и куда лучше вооружены технологически – а от отсутствия у них стремления его применять. А это – основа общества «Туманности Андромеды», и бессмысленно требовать изменить тут что-то – тогда и книга вышла бы совсем другой.

Вы ведь хотели, чтобы я изложил в книге свои мысли об устройстве коммунистического общества будущего? Так вот они, перед вами. Если же они вас не устраивают и нужно изображение более «боевого» общества этого самого будущего – тогда лучше вам обратиться к другому писателю...

– Ну, это уже не в моей компетенции... Раз наверху решили, что книгу надо поручить вам, то... Да, кстати, а с чего это у вас на планете Железной Звезды «медузы» настолько агрессивны, что это законам эволюции противоречит – поставьте в клетку с тигром совсем незнакомый ему предмет (а человек в скафандре вообще на живой организм не похож), сильно сомневаюсь что хищник сразу нападет и попробует съесть, поскольку в его инстинктах, в «программе управляющего компьютера», не записано, что это съедобно и вообще не опасно. И чем эти «медузы» и «кресты» питаются обычно – кроме залетных звездолетчиков? Ведь не бывает, чтобы в лесу одни хищники водились – если волки есть, то и зайчики быть должны?

– Так дело именно в том, что инопланетные «медузы» – не земные тигры, а нечто совсем иное. С чего вы взяли, что они относятся хотя бы к тому же классу млекопитающих, что и тигры? А законы эволюции одними лишь млекопитающими вовсе не ограничиваются, – в улыбке Ефремова сквозила явная снисходительность – мол, ну вот, головорез-спецназовец решил поучить зоологии доктора биологических наук. – Например, акулы пробуют на зуб решительно все незнакомое. А что касается «зайчиков» – так ведь экипаж «Тантры» обследовал очень маленький клочок планеты, кто знает, что еще там может водиться даже неподалеку, вполне в досягаемости «медуз» и «крестов»? Или, в Сибири есть озера, где из рыбы живут исключительно щуки, свою же молодь едят, а также уток и гусей.

И так все время написания романа. Критические замечания Ивану Антоновичу давал и Смоленцев, и даже пару раз сам адмирал Лазарев – но Кунцевич больше всех. И нельзя сказать что эти замечания в целом не пошли на пользу роману – который в чем-то отличался от того, оригинального текста. В частности, там гораздо больше просматривались «русские» корни – и Совет Звездоплавания находился в Москве, по-прежнему стоящей среди Русской равнины, а зона «вахтовых» поселков сдвинулась гораздо севернее, к побережью Ледовитого океана (в котором теплый Гольфстрим доходил до Берингова пролива, так что на Таймыре климат был на современную Скандинавию похож). Космодром, с которого взлетал «Лебедь», был «посреди Великой Степи, где когда-то кочевники гоняли табуны – и откуда века назад был запущен первый в истории Земли космический корабль» – тут Ефремов был вынужден согласиться, если для химических ракет было выгоднее строить космодромы ближе к экватору, то при энерговооруженности «Тантры» (могущей подняться с планеты с тяжестью в несколько «же») разница между Африкой и Северным полюсом была пренебрежимо мала. А имена героев имели в основе – славянские, латинские, скандинавские, индийские, китайские, африканские – и очень мало

англосаксонских. И кроме музея машин, упомянуты еще и раскопки одного из убежищ, где доживали те, кто когда-то считал себя хозяевами планеты – в окружении сокровищ, скелеты на истлевших коврах – тех, кто заперлись здесь в надежде выжить, да так и никогда больше не увидели солнечный свет. Миико Эйгоро прямо говорит, что ее предки из Японии, и «я западную цивилизацию ненавижу». И упоминается Проклятый Город, «конец которого был ужасен» – в котором можно было однозначно узнать Нью-Йорк. Нет, роман не опускался до агитки – тут важно было не перейти грань, дать лишь наметки, ну а те, кому хочется, пусть домысливают сами. Так сказала Анна Лазарева, при этом зло усмехнувшись:

– Пусть там анализируют – может, и накопят что. А вы ни о чем не беспокойтесь, Иван Антонович, только пишите – а все остальное наша забота!

Кубрин М. С.

История войн и конфликтов двадцатого века (альтист)

В начале февраля 1954 года численность американских войск в Южном Вьетнаме достигла девяноста тысяч человек, а у берегов находилось уже сорок два боевых корабля. США, не тратя времени даром, готовились к войне. Уже 7 февраля Конгресс предоставил президенту Эйзенхауэру право принимать «все необходимые меры для защиты независимости союзного государства Республика Вьетнам», то есть режима Нго Динь Зьема. Американские солдаты высадились в Сайгоне еще за три месяца до того, но это была морская пехота (которую президент США может бросить в бой своим единоличным указом). После санкции Конгресса к ним на законном основании присоединились части Армии США, первой из которых уже 14 февраля в Сайгон прибыла 25-я пехотная дивизия.

2 марта американское правительство официально предъявило временному правительству генерала Нгуен Ван Хина и представителям Вьетконга ультиматум, требуя немедленно передать всю власть на территории Южного Вьетнаме правительству Зьема. Вьетнамцы решительно отказались, ссылаясь на Парижскую декларацию, а 3 марта СССР и ДРВ прислали США ноты протеста. Но всем было очевидно, что дипломатия уже не решала ничего.

Утром 6 марта 1954 года американские войска одновременно высадились в портах Дананг, Камрань и нескольких других пунктах на побережье Южного Вьетнама. Одновременно начала наступление на север сайгонская группировка американской армии. Первыми на пути интервентов встали солдаты Вьетнамской Армии генерала Хина (около ста тысяч бойцов, а также Корпус Гражданской Обороны, еще шестьдесят тысяч человек) – уступая своим противникам в вооружении, подготовке и опыте, они, тем не менее, оказали отчаянное сопротивление в схватках на «пограничной линии» (разделявшей территории, контролируемые Зьемом и Хином) и в ожесточенных боях на улицах приморских городов. Так, второй по величине город Южного Вьетнама Дананг, высадившаяся там 9-я бригада морской пехоты США смогла полностью захватить лишь через два дня, хотя по плану на это отводились одни сутки. И две недели понадобились американцам, чтобы занять всю территорию, прежде контролируемую «временным правительством», заставив Хина с остатками своей армии отойти в зону, контролируемую Вьетконгом. В Вашингтоне торжествовали – но война еще только начиналась. Три четверти страны контролировал Вьетконг, и теперь армии США предстояло встретиться с совсем другим противником и другими стратегией и тактикой войны...

Дананг находился на побережье Тонкинского залива в 113 километрах южнее бывшей Демилитаризованной Зоны между Южным Вьетнамом и Демократической Республикой Вьетнам. После начала войны граница со стороны Южного Вьетнама фактически перестала охраняться, и американцы стремились первым делом установить контроль над ней, чтобы воспрепятствовать прямому снабжению партизан Вьетконга со стороны их союзников из ДРВ. Однако американское наступление от Дананга к ДМЗ встретило неожиданные трудности. Многочисленные засады задерживали продвижение войск, а на линии снабжения постоянно осуществлялись нападения. Вскоре расположившиеся на северной границе страны морские пехотинцы США оказались в весьма неудобном положении – они не встречали крупных отрядов врага, которого смогли бы разбить в открытом сражении, а из регулярных мелких стычек вьетнамские партизаны или выходили победителями, неизменно нанося урон живой силе противника, или, если обстановка складывалась не в их пользу, стремительно отступали, исчезая в лесах. А главное – контроль над границей почти ничем не помогал, так как Вьетконг стал получать снабжение через соседний Лаос.

Американцы реагировали просто – применением еще большей силы. В течение следующих шести месяцев численность американской группировки во Вьетнаме достигла ста девяноста тысяч бойцов – 1-я и 25-я пехотные, 101-я воздушно-

десантная, 1-я аэромобильная дивизии, 173-я отдельная воздушно-десантная бригада, части 1-й и 3-й дивизий морской пехоты, ряд частей и подразделений специальных войск. Кроме того, в военных действиях приняло участие 33 тысячи летчиков и моряков 7-го флота США, 237 тысяч человек входило в органы службы тыла, 48 тысяч летчиков и солдат располагалось в Таиланде и на базах США в других районах Юго-Восточной Азии. Численность войск Азиатского Оборонительного Союза (Филиппины, Австралия, Новая Зеландия), начавших прибывать на фронт с лета 1954 года, составляла 69 тысяч человек, еще 40 тысяч мог выставить Таиланд. По мнению госсекретаря и военного министра США всего этого было более чем достаточно, чтобы без особого труда справиться с «несколькими тысячами крестьян в черных пижамах», как они презрительно называли Вьетконг.

Армия США готовилась к традиционным боям, когда противник сидит в окопах напротив. Но партизаны Вьетконга не строили укрепленных рубежей – а внезапно наносили удар и скрывались в джунглях. Часто они даже не носили военной формы, маскируясь под гражданское население – и руководствовались принципами, во-первых, политический эффект важнее военного, во-вторых, атаковать в удобное время, в заранее выбранном (и подготовленном) месте, при благоприятных условиях. В результате армия США оказалась втянутой в войну на истощение, реально контролируя лишь ту территорию, «которая была у нас под сапогами», как выразился командир 25-й дивизии генерал Паттерсон.

За первый год войны наиболее крупную операцию с целью разгрома местных сил Вьетконга американцы начали 27 июня к северо-западу от Сайгона. В ней были задействованы 173-я воздушно-десантная бригада Соединенных Штатов, 1-я аэромобильная дивизия, части 1-й дивизии морской пехоты и батальон Королевского Австралийского полка. 14–15 августа была одержана и первая крупная победа – во всяком случае, так объявили США, сведения от которых вызывают большие сомнения. Как и все последующие подобные «победы», никакого удачного перелома в боевых действиях она не принесла...

Осло, 1 марта 1955 г.

Дамы и господа, сейчас мы увидим одно из самых красивых зрелищ в нашей столице – развод гвардейского караула перед королевским дворцом. Вы видите, солдаты королевского гвардейского полка выстраиваются для торжественной церемонии. А вот и выходит он, почетный полковник Улаф, талисман полка и, не

побоюсь этого слова, национальный герой нашей страны. Императорский пингвин из далекой Антарктиды, два года назад он отважно клюнул посла США... вы знаете, в какое место. В ответ на наглый американский ультиматум якобы случайно сбросить на нашу столицу атомную бомбу – будто мы не европейская страна, а какая-нибудь Куба, «американский задний двор». Тогда Улаф пребывал еще в чине майора нашей королевской армии – и именно его после того храброго поступка сам президент США требовал выдать для публичного съедения – подобно троглодиту, верящему, что съев своего врага, можно перенять его силу[6 - См. кн. «Зеркало грядущего»]. Когда об этом стало известно, у дворца собралось множество людей из всех слоёв общества и всевозможных убеждений, чтоб защитить майора Улафа, – и наш стортинг собрался на специальное заседание и отверг требование американцев, так как наши законы запрещают выдавать норвежских военнослужащих на съедение в другие страны. Главным же результатом того скандала было, что над нами больше не летают самолеты с атомными бомбами, которые могут «случайно» упасть на наши головы. Так что майор Улаф вполне заслуженно получил полковничий чин и орден Святого Олафа – высшую награду нашего королевства.

Ну вот, дамы и господа, церемония началась, приготовьте ваши камеры...

Вашингтон, Белый дом.

Этот же день

– Они действительно передают такое по своему радио? Там что, уже коммунисты везде сидят?

Президент США Дуайт Эйзенхайэр был сильно не в духе.

– Мои люди ручаются за точность перевода, – ответил его собеседник, похожий на лощеного джентльмена викторианских времен, – впрочем, ваш секретариат легко может это проверить. Церемония происходит ежедневно, и ее освещают несколько местных радиостанций. Я выбрал для вас пример наиболее «левой» из них – но содержание передач других отличается лишь слегка смягченными выражениями.

Этот джентльмен не занимал никаких официальных постов – крупный бизнес не любит публичности. Соединенные Штаты, это демократическая страна – из чего следует, что, вопреки «левым» карикатурам, даже Рокфеллер не посмел бы ногой открывать дверь Белого дома (хотя на заре американского капитализма, так, в конце девятнадцатого века, случалось всякое). Но с тех пор установились правила – и Рокфеллер, указывающий президенту, был бы воспринят всеми прочими игроками именно как игрок, приказывающий арбитру... нет, если ты круче всех остальных игроков, вместе взятых, тогда конечно... но такого обычно не бывало. Однако и президент не должен был забывать, что его пост «арбитра» не более чем результат консенсуса игроков – которые при недовольстве легко могут напрочь сломать чью угодно политическую карьеру. Собеседник президента не был Рокфеллером, но в данный момент говорил от лица нескольких самых влиятельных торгово-промышленных «клубов» (или кланов, как кому нравится называть), тех, кто подлинно правит Соединенными Штатами.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что я должен оправдываться перед норвежцами? – спросил президент. – Что это вовсе не я, а наш посол Хант пообещал «съесть пингвина публично». Довольно с нас того скандала – с парижским продолжением. Мы ничего не забудем, и все счета предъявим к оплате. Но – не сегодня!

– Дело не в третьеразрядной европейской стране, – ответил джентльмен, – взгляните на карту. Норвегия, Франция, теперь еще и Британия не хотят принимать у себя наши самолеты с Бомбами в мирное время. Что у нас остается передовыми авиабазами в Европе, откуда можно долететь до Москвы и вернуться – Дания, Голландия, Бельгия? Это «подавляющим военным преимуществом перед советским блоком» никак не назовешь! К тому же и в Дании по примеру соседей все больше склоняются последовать их примеру. Молчу уже о том, сколько дней, или даже часов продержатся эти плацдармы против русского вторжения. И что мы намерены предпринять, чтобы исправить ситуацию в нашу пользу?

– «Война без войны», – произнес Эйзенхауэр, – война пока еще без выстрелов, война пропаганды и идей, рынка и рекламы. И подготовка нашей военной машины, когда наступит благоприятный момент. Таков был план – принятый с общего согласия. Я что-то упустил?

– Мы упустили, – сказал джентльмен, – весьма важный фактор был тогда нами не то чтобы недооценен, но... Война торговли и рекламы, в которой мы сильны, это

прекрасно. Однако азбука бизнеса, что честные правила, равные права – только для равных, никто и никогда не будет честно торговать с лузерами. И дело даже не в морали – если кого-то пожалеем и не сожрем мы, это сделает (и тем усилится) наш конкурент. Сейчас же мы имеем, что какая-то чернож... обезьяна, эфиопский негус, отказывается от нашего посредничества при урегулировании спора с итальянцами в Сомали, зато охотно размещает у себя советскую военную базу, «желая быть под защитой сильнейшей военной державы мира». Нам уже в Африке на дверь указывают, докатились! Вьетнамская кампания как раз и была задумана как быстрая победа, первый вклад в восстановление нашего военного престижа. Айк, да вы же сами сказали Де Голлю два года назад – «отойдите в сторону и посмотрите на наш мастер-класс, как быстро мы наведем там порядок» – вам предъявить подборку из французской прессы, в каких выражениях сегодня они вспоминают это обещание? Вьетнам оказался неожиданно крепким орешком – и наши военные неудачи уже всерьез мешают нашей торговле, дипломатии и пропаганде. Так же любая война, даже холодная, требует денег, больше денег – которые желательно откуда-то получить. В итоге план должен быть скорректирован. И вариант уже есть.

– Я всегда знал, что у вас под рукой существует свой Генштаб, не хуже прусского, – усмехнулся президент, – со всеми полагающимися службами, включая разведку и контрразведку.

– Всего лишь некоторое число генералов, профессоров, прочих экспертов, не отказывающих нам в консультации, – ответил джентльмен, – ну а это их предложение близко к одному из вариантов, разрабатываемых Комитетом Начальников Штабов и доложенным вам еще полгода назад, наши эксперты признали его наиболее перспективным. Итак, взглянем на карту. Советский Союз очень хорошо прикрыт с западного направления – можно спорить о качестве и лояльности их вассалов, но как минимум немцев я бы не решился недооценивать. То есть в случае войны нашим бомбардировщикам, взлетев с баз в Дании, Бельгии, Голландии (которые будут очень скоро сметены русско-германским стальным катком), придется прорываться через зоны исключительно мощного ПВО, над враждебной территорией – уровень потерь, по опыту китайской кампании пятидесятого года, оценивается в 80–85 процентов. Что в том конфликте весьма пагубно влияло на моральный дух экипажей – «мы не камикадзе». В то же время у самой советской границы есть страна, расположенная очень удачно, как бы в русском «подбрюшье». Что еще более важно – страна, дружественная нам и враждебно настроенная к Советам. Представьте, как повлияло бы на военно-стратегическую обстановку и баланс сил между нами и красными – если бы американские войска и авиабазы

появились бы вот здесь!

И палец джентльмена уперся в карту.

- Турция, - произнес Эйзенхауэр, - верно, «вернем Проливы и Армению» там столь же популярно, как во Франции было когда-то «вернем Эльзас и Лотарингию». Особенно среди военных и части политиков. Однако же существует договор, который Сталин навязал туркам. Где прямо сказано, что Турция не имеет права размещать на своей территории любые иностранные базы и войска, «иначе СССР оставляет за собой право на любые меры по защите своей безопасности». Что весьма охлаждающе действует на горячие головы в Анкаре.

- Договор не кандалы, - изрек джентльмен, - тут возможны варианты. Мы заключаем с Москвой соглашение - они аннулируют договор с турками, мы отменяем французский «президент-акт». Или в Турции меняется правительство на более решительное, которое заявляет об отмене «всех договоров, ограничивающих турецкий суверенитет». Которое будет тут же признано нами и поддержано американскими войсками, немедленно высаженными на турецкую территорию. Смею предположить, что русским тоже не нужна Третья мировая война.

- А если они все же решатся? Да, вариант с «президент-актом» я даже не рассматриваю. Поскольку французы по факту уже выбросили его на помойку. Русские не идиоты, чтобы соглашаться на столь неравноценный обмен. Ну, если только в Москве вместо Сталина сядет тот мифический «горбачев» - вы ведь слышали про любопытную гипотезу нашего общего друга Райана? Что до «решительного турецкого правительства» - так скажите прямо, военный переворот. И кто его осуществит - не те ли генералы, кто уже имели случай повоевать с Советской Армией в сорок шестом - и теперь до ужаса боятся сделать это снова?

- Не рискнут сами. Но могут решиться - с нашей помощью. С учетом того, что страна горная и бедная дорогами - то есть советский блицкриг затруднителен, и наши бомбардировщики успеют взлететь. При том, что у СССР с южного направления намного более слабое ПВО - Сталину так нужна наша Бомба на Москву? Есть вероятность, что русские не решатся, проглотят.

– А решатся ли турки?

– Решатся, если будут считать нашу помощь близкой и реальной. Что требует подготовительного этапа. Нужен плацдарм для развертывания сил где-то поблизости. И такое место тоже есть. Самое слабое место в советском блоке – вот тут!

– Израиль? Ну, тут я с вами, пожалуй, соглашусь. Однако же на его территории уже находятся советские войска.

– Война будет начата как развитие традиционного конфликта между евреями и арабами. С активным участием, помимо армий Египта и Иордании, палестинского населения Израиля – а также военных сил монархий Персидского залива. Если удастся подключить англичан, будет совсем хорошо. Ну а мы придем в самом конце, все в белом, «кавалерией из-за холмов», миротворцами и посредниками. Подробнее – прочтите, вот тут все расписано.

– Не слишком ли оптимистично? В итоге «зона Суэцкого канала», по аналогии с Панамой, Израиль наш союзник, да и Египет становится «нашим», а не проанглийским.

– «Будьте реалистами – требуйте невозможного». Революция, вещь труднопредсказуемая. Вам будет жаль короля Фарука?

– Я думаю, как к этому отнесется Лондон. Все-таки наш самый верный стратегический союзник.

– «Ничего личного, это бизнес». В Англии до сих пор живут мои родственники, по боковой линии. И я регулярно езжу туда к ним на Рождество – традиция! Но считаю, что в конечном счете это будет даже пользой для английской торговли и промышленности – небольшая встряска, чтобы поддерживали свою конкурентоспособность. Ну а их убыток – ну, так уж легла карта, что деньги сейчас нужнее нам, чем им.

Сержант Эндрю Баррет,

морская пехота США.

Сайгон

Так и не удалось мне на гражданку – как вышел из госпиталя, после Эболы.

Посчитал, сколько мне выплатят, при досрочном прекращении контракта – сильно меньше того, что хотелось бы. А дома сейчас с работой не очень, на пособие лишь с голода не помрешь. Зато еще два года в строю на всем казенном – и можно надеяться после уже свой бизнес открыть, стать уважаемым «средним классом, опорой порядка». Нет, жизнь, конечно, дороже, так что снова в Африку, где эта зараза, я бы ни за какие деньги – но тут, нам сказали, всего лишь во вьетнамцев пострелять! Которые тогда казались нам кем-то вроде авеколистов – только не черные, а желтые, ну так пулям все равно. О'кей, где тут плохие туземцы, на которых надо поохотиться, наши американские ценности защищая? Сейчас их всех поубиваем, деньги получим, и домой.

Нам капеллан рассказывал, вот если у нас, в свободном мире, все, что я честно заработал своим умом и трудом – принадлежит только мне, лишь налог заплачу, и дальше никто не имеет права указывать, куда мне мои деньги потратить. То у красных тебе с заработка оставляют лишь малую часть, а остальное перераспределяют так, чтобы и другим что-то перепало, и на эти их «великие стройки коммунизма» хватило. Да, у коммунистов нет безработных, вообще нет – но и выбирать работу ты можешь не всегда, нередко тебе ее принудительно назначат, а если ты не захочешь, то тебя запишут в «паразиты» и отправят в трудовой лагерь вкалывать за пайку, ибо кто не работает, тот не ест – такая в коммунистическом учении заповедь имеется. И нельзя других нанимать, чтобы они на тебя работали, кредиты или ссуды под проценты давать тоже нельзя – а если нарушил, то тебя в тюрьму, не за то, что ты гангстер или мошенник, или как это по-русски, а за «спекуляцию и нетрудовые доходы». Еще капеллан говорил, что у коммунистов медицина бесплатная и даже в университет можно без денег поступить – но за это ты будешь жить не так, как сам хочешь, а как тебе партийные комиссары укажут, «чтобы ты Родине больше пользы принес». То есть после обучения прикажут тебе на работу в другой город, вдали от семьи – и ты оттуда уже не уедешь, у коммунистов без специального разрешения менять место работы и жительства нельзя, иначе можно и в гулаг попасть за «проживание без прописки». И еще в том же духе – короче, себе ты не принадлежишь, а все должен делать, как Коммунистическая партия (в лице местного комитета, возглавляемого секретарями) велит.

Это что же, выходит, как у мормонов? Знал я когда-то одного парня из «этих», слышал, есть у нас в Штатах и другие секты, наподобие английских пуритан. Где тоже ни свободы, ни собственности, все ходят строем, живут все вместе, как в хлеву, и чихнуть без дозволения главы нельзя – только молись и работай! А если ты усомнишься и попробуешь отойти – то тебя могут просто убить, и никто ничего не докажет, свидетелей не будет, там все в круговой поруке. Так же как у коммунистов – пока ты чтишь Ленина и Сталина и следуешь их заповедям, ты хорош, а стоит тебе в мелочи оплошать, ты уже еретик или, как они говорят, «враг народа», и тебе казнь, как убийце и грабителю, твою семью в гулаг. И теперь красные хотят, чтобы во всем мире было так – нет, не желаю! Свободным хочу остаться – и даже если с голоду и без работы подохну, то это будет мой выбор и моя вина, а не по чьему-то приказу! Думаете, я в этом проклятом Вьетнаме, а не дома – потому, что мне Америка приказала? Нет – оттого что я сам решил, еще два года перетерпеть и хорошую плату получить, и все по-честному!

Прибыв в Сайгон, мы узнали, что почти вся армия Республики Вьетнам перешла на сторону коммунистов – это как раз над ней наши ребята и одержали первые победы. А коммунисты все убежали в лес, и мы должны их переловить и перебить. Жители Сайгона (и других городов, где жизнь была на что-то цивилизованное похожа) встречали нас с показной радостью – потому что мы за их товары и услуги долларами платили (местные бумажки цены не имели почти никакой). А наиболее верным нашим союзником были головорезы из Бин Ксуен – аналог здешней мафии, и в то же время (понимать отказываюсь!) служившие в качестве полиции, по крайней мере в Сайгоне. Благодаря им, у нас не было проблем, как весело провести время – тем более что в сайгонских публичных домах даже европейек можно было найти (француженок, как нам сказали), только стоили они дороже. И этих же «союзничков» мы должны благодарить за то, что скоро у нас в казармах стало пахнуть опиумом – который отшибал мозг гораздо крепче самого крепкого виски.

Приходилось мне пару раз видеть их самого главного в Бин Ксуен (издали, не настолько у меня большие погоны, чтоб быть ему представленным накоротке). Звать его Ле Ван Виен, он китаец, но в то же время вьетнамский генерал и министр у Зьема. Про него говорят, что он богат, как Дюпон, поскольку добрая половина всех бизнесов в Сайгоне и, наверное, не только тут, принадлежат ему – включая казино, публичные дома и опиумокурильни. И что он мастер всяких боевых искусств, лично отрубил голову бывшему императору Бао Даю, но умеет убивать и голыми руками, не хуже русского спецназовца – интересно, кто это на

себе проверял? Однако же головорезы из Бин Ксуен боятся вызвать его гнев – понятно, ну разве глава мафии может быть добрым? Но это наш «сукин сын», и наше командование закрывает глаза на его деяния – даже те, которые не очень нравятся президенту Зьему, который, изображая из себя истинного католика, пытался запретить в Сайгоне игорный бизнес и проституцию. Так как, я уже сказал, полицией была Бин Ксуен, то легко понять, что разгрому подверглись исключительно те, кто Виену не платил. К великому удовлетворению наших парней – ведь работа солдата и так достаточно тяжела, а если ее еще и заслуженных удовольствий лишить?

Впрочем, в первые дни мы были уверены, что война скоро завершится, и мы поедem домой. Ведь наши войска заняли все пункты, имеющие хоть какую-то ценность – города, порты, железную дорогу – у коммуняк остались лишь дикие джунгли, где в деревнях живут как в каменном веке. Правда, в сорок пятом на Окинаве японцы, так же загнанные в горы и леса на северо-востоке острова, не капитулировали еще три месяца – но это было, как пишут в ультиматумах, «бессмысленное сопротивление». Мы не знали тогда, насколько ошибались.

Мерзавцы из Бин Ксуен оказались продажными тварями. Я слышал, что когда-то они были такими же лесными партизанами, как вьетконговцы – воевали против япошек и лягушатников. Теперь же они, хорошо зная, что такое вьетнамский лес, совершенно не желали лезть под пули бывших приятелей – уступая эту честь нам. А сами сидели в Сайгоне, Дананге, других городах – делая работу тайной полиции президента Зьема. Подобно русскому НКВД, они хватили своих же вьетнамцев по малейшему подозрению, не утруждая себя расследованием – и кого не убивали, тех отправляли в «трудовые лагеря», весьма похожие на те, что были у нацистов, я не слышал ни об одном случае, когда кого-то признали бы невиновным и отпустили. Откуда я это знаю – ну, сэр, чтобы наяривать задорную чиксу, а не описавшееся от страха бревно, с девками приходится разговаривать. И с их мадамами тоже. Как и с местными полицейскими, и с другими нужными людьми. И внимательно слушать то чириканье, которое они считают нашим языком. Если не хочешь остаться в убытке – вы ведь знаете, наверное, какая лажа была тут в самом начале, до мая пятьдесят четвертого, когда любой военнослужащий США, желающий перевести деньги домой в Штаты, мог сдать требуемую сумму местными бумажками, по их официальному курсу. А теперь следите за руками, мистер, сейчас будет фокус! – если я до того купил эти бумажки за доллары по курсу на рынке, то какой будет моя прибыль, абсолютно законная, заметьте! К сожалению, эту лавочку прикрыли – а сержантское жалованье не столь велико, чтобы обеспечить бизнес большим оборотным капиталом. Сайгон был похож на громадный блошинный рынок –

продавали все и везде (и крали тоже). Но нам говорили, что это издержки демократии, ведь мы пришли защищать демократическую страну от коммунистической диктатуры, но этот Зьем сам оказался диктатором и тираном не лучше Гитлера. Или Сталина, как его описывали в «Колльерс».

Лес во Вьетнаме, особенно во время дождей – не самое приятное место для прогулок. Особенно если тропы там усеяны вьетконговскими сюрпризами, встречались и «растяжки» из гранат, на русский манер, но гораздо чаще были хитроумные конструкции из ям, веревок, самострелов, заостренных кольев. Причем все это смазывалось местным ядом или какой-то гадостью, быстро вызывающей гангрену, если ты не попадад в госпиталь как можно скорей, ну а тащить раненого на руках по вьетнамскому лесу, это адов труд, поскольку ловушки могли оказаться и там, где мы уже прошли и теперь возвращаемся. Я видел, как капрал Грегори, идущий в пяти шагах впереди меня, вдруг дико заорал, провалившись по колено в яму, укрытую травой – там были два бревна, свободно крутящиеся на осях и утыканные остриями, и когда мы освободили нашего товарища, его нога имела вид, будто ее пропустили через мясорубку. И не было никакой веры проводникам из местных – как я уже сказал, в деревнях многие были за Вьетконг, а если и нет, то боялись мести красных, «вы уйдете, а мы останемся». Оттого мы быстро усвоили, что бегать по лесу это самоубийство – и двигались очень осторожно, выбирая куда ступить. О каком преследовании убегающих партизан тогда вообще могла идти речь?

Вьетконговцы не африканские авеколисты – хотя бы потому, что у негров не бывало минометов. Негры не были обучены манере русского спецназа. А главное, не были фанатиками, как вьетнамцы. Располагаясь гарнизоном во вьетнамской деревне, мы скоро узнали, что нельзя брать у местных еду. Знаю про случай, когда наш лейтенант приказал сначала дать попробовать детям в деревне – и их родители не стали мешать. А ночью весь взвод свалился от яда – и проникшим в деревню вьетконговцам осталось лишь добить тех, кто еще был жив. Вьетнамцы для нас все на одно лицо, как отличить местных от тайно пришедших партизан? А при первом удобном случае они убивали наших часовых и резали спящих, а если не удавалось зарезать, то забрасывали гранатами хижины, где мы спали, – наконец, если наши парни успевали занять оборону, то коммунисты сносили всю деревню минометами, не сильно заботясь о тех жителях, кто не мог убежать, а затем «зачищали» выживших, обычно никого не брали в плен.

И не сдавались сами. Очень редко, но бывало, что нам удавалось поймать их в западню – так что им отступать некуда. Тогда они дрались как черти, стараясь лишь подороже продать свою жизнь. Шли на прорыв, стараясь навязать нам ближний бой – не дожидаясь, пока мы вызовем авиацию или огонь артиллерии. Однажды нам удалось окружить партизан в деревне – там был один, который, когда у него кончились патроны, бросился на нас с саперной лопаткой, сначала мы пытались его скрутить, помня, что за пленного русского обещана особая награда, а он махал своей лопаткой, как берсерк топором, и убил троих наших парней, так что пришлось его все же застрелить. Да, он был белый, хотя одет как вьетнамец, без всяких документов, и пленных тогда мы не взяли – так что не знаю, был он русским «добровольцем» или французским (или даже немецким) дезертиром. Наверное, все же русский – слышал, что их специально обучают драться лопатой. И этот коммунист поехал умирать во Вьетнам, потому что ему приказал комиссар, ради того, чтобы завтра коммунизм был во всем мире. Фанатики, варвары, звери, совершенно не ценящие свою жизнь!

Очень часто нам приходилось сопровождать конвои – поскольку гарнизоны, разбросанные по большой территории, надо было кормить и снабжать. И вывозить урожай риса – наши солдаты питались со своей кухни, но оставался еще Сайгон, Дананг и множество других городов, «наш», свободный Вьетнам, который мы защищали. Оттого, кстати, сорвалась затея со «стратегическими деревнями» – можно вывести население из партизанской зоны, собрать весь нелояльный элемент за колючей проволокой, но как перенести рисовые поля – или заботу о пропитании освобожденного Вьетнама придется повесить на американскую казну. И по вьетнамским дорогам ползти... видели бы вы, на чем мы там ездили! Представьте армейский стандартный пятитонный грузовик, на который вместо кузова водрузили бронекоробку (с отрезанной мордой) от подбитого бронетранспортера, и воткнули восемь пулеметов, в том числе четыре «браунинга» 50-го калибра. Этот монстр был уникален и носил даже собственное имя, «Бешеный Джо» – но и самые обычные грузовики подвергались переделке, иначе ездить по вьетнамским дорогам было смертельно опасно. На кабину и кузов ставили защиту из любого железа, оказавшегося под рукой, в ход шли даже кроватные сетки (могущие спасти от гранат русских базук РПГ), и конечно, пулеметы, пусть не как у «Бешеного Джо», но минимум два, обязательно. Машины, перегруженные оружием, защитой, боеприпасами, расчетами в кузовах (к каждому пулемету надо одного, а лучше двоих парней посадить) даже при езде в сухой сезон часто выходили из строя, ломались моторы, подвеска, к бешенству ремонтников, ездить же на этих «гантраках» (как их прозвали) по грязной дороге было проклятием – но это было лучше, чем не доехать вообще. Хорошо было, когда удавалось получить охрану еще и от

танкистов. Они этого очень не любили – поскольку вьетконговцы считали танки приоритетными целями, в которые надо первым же залпом из засады вклепить гранаты РПГ, после чего и начинался весь базар. Ну а нашей тактикой в ответ было, как мы называли, «работать газонокосилкой», то есть поливать джунгли по площадям, не жалея патронов. Самым страшным было, когда коммунисты подрывали «гирлянду» – сразу несколько зарядов, поставленных как немецкие «шпринг-мины», взрывающиеся после подскока на пару метров. Тут спасение было, успеть упасть на дно кузова, в надежде, что тебя прикроет броня бортов. Я видел, как рядовому Скиннеру, который не успел, осколком снесло голову, как гильотиной. За неполных три месяца такой работы – которой, по идее, должно заниматься какое-нибудь подразделение по охране тыла, а не мы, элитные морпехи – наш батальон потерял больше сотни парней убитыми и ранеными. И что еще хуже, на их место приходило пополнение.

«Идиоты Уилсона» – по имени нашего министра обороны, который додумался до такого[7 - В нашей истории «идиоты Макнамары»]. Считалось, что это будет шанс для парней с самого низа, отслужив в Америке, стать уважаемыми людьми. В реальности же – казалось их брали исключительно из тюрем и приютов для умственно отсталых. Они были зачастую настолько тупы, что не могли понять, что от них хотят, среди них встречались настолько малограмотные, что даже инструкцию не могли прочесть. И вели себя соответственно – я сам видел, как один такой, как только вьетконговцы открыли огонь, стал бесприцельно стрелять во все стороны, не разбирая своих и чужих, просто чудо, что ни в кого не попал, а когда кончились патроны, не знал, как сменить магазин, страшно представить, что было, если бы ему выдали еще и гранаты. Еще они не гнушались крысячить у своих же – и после искренне не понимали, за что их бьют всем взводом. Наш лейтенант после писал рапорт, что рядовой такой-то «неудачно упал и ушибся – в госпиталь», и надеялся, что пришлют кого-то нормального. Но присылали еще более тупого. Сам слышал, как капитан в канцелярии орал в телефон – пусть лучше рота будет с некомплект, не надо слать дебилов. Но с каждым новым пополнением «идиотов» становилось все больше. И это в морской пехоте – куда всегда отбирали лучших по сравнению с армией, в славные времена Тедди Рузвельта рекруты совали вербовщикам взятки, чтобы быть зачисленными в ряды! Эти кретины из-за своей тупости не годились даже на то, чтобы прислуживать нам, как денщики офицерам – разве лишь кулаки почесать об их морды, успокаивая нервы. Да, мы были постоянно «на взводе» из-за того, что даже в гарнизоне нельзя было чувствовать себя в безопасности, вьетконговское подполье устраивало диверсии даже в Сайгоне, первый раз это было в апреле пятьдесят четвертого, в театре, на варьете «только для Армии США», когда в зале взорвалась мощная бомба, убив полсотни

наших парней и еще больше покалечив – и оттого, регулярно снимали нервное напряжение опиумом. Но «идиоты», быстро обнаружив этот источник удовольствий, находились под наркотой постоянно, или бродя как зомби из фильмов ужасов, или отсыпаясь после дозы, без разницы, в сайгонской подворотне или в сарае посреди лесной деревни. Одному господу известно, сколько таких уродов убили или похитили вьетконговцы – и мне их, если честно, нисколько не жаль. Но обидно, что именно благодаря им на американского солдата стали смотреть как на подонка, наркомана и тупицу – и не только во Вьетнаме или в Европе, но и дома, в Штатах!

А мы, даже те, кто был нормален, зверели. Очень трудно не сойти с ума, когда ты боишься, что любой гражданский вьетнамец, даже женщина, старик или ребенок, может тебя убить – а ты не должен стрелять первым, пока он не покажет себя как враг. Зато в боевых операциях мы срывались с цепи, стреляя во все, что шевелится, – и зная, что командование нас не обвинит ни в чем. Как называли ту деревню, из-за которой был шум с вонью по всему миру – господи, только у моей роты и за один год во Вьетнаме таких деревень было три! Вся разница в том, что в той деревне наши пожалели убить священника, белого, француза – а он оказался авторитетным свидетелем. Там же, где были одни желтые, о случившемся помнят лишь джунгли. И вьетконговцы, которые отвечали нам полной взаимностью – страшно представить, что они делали с теми из нас, кто имел глупость попасть к ним в плен. А таких было много – я уже сказал про «идиотов», которым ничего не стоило в одиночку и без оружия отправиться в соседнюю деревню, «чтоб опиум добыть дешевле». Иногда после мы находили их – по частям. Но чаще – не находили вовсе.

В июне пятьдесят четвертого нас снова бросили в лес – «большое наступление». Это было похоже, как гоняться за крысами с ружьем. Обычно вьетконговцев уже не было там, где мы рассчитывали – зато они находили нас всегда. Нападали, когда мы не были готовы, наносили нам потери и исчезали в лесу. Рассказывали, что однажды они напали даже на базу наших крутых рейнджеров, «зеленых беретов» – перебили там всех и ушли, не оставив на поле боя ни одного своего трупа. Что позволяло нам писать в донесениях об громадных потерях красных, ну а что тел нет, так успели унести. И нельзя было надеяться на авиацию, если только нам не удавалось зажать вьетконговцев возле хорошо видимого с воздуха ориентира – горы или поворота реки. В противном же случае под зеленым ковром джунглей наши бомбы и напалм были одинаково опасны и для вьетнамцев и для нас. Наша техническая мощь оказалась бесполезной, мы завидовали танкистам, которых лишь изредка привлекали к охране колонн. Отчего изредка – а вы представляете, как это, вытягивать сорокатонный M48,

застрявший в грязи по самую башню? Не говоря уже о том, что танки размалывали вьетнамские дороги до совершенно непотребного состояния, а расход их моторесурса и топлива был слишком дорог даже для американской казны. Так что «паттоны» обычно не покидали Сайгона и Дананга, при угрозе красных беспорядков работали пугалами, выдвигаясь на перекрестки улиц. А мы, уходя в лес, заранее знали, что вернемся не все – и там останется кто-то из парней, не считая «идиотов», которых не жалко. Я помню троих своих взводных, убитых вьетнамскими снайперами. Последнего, лейтенанта Геррика, убили в том самом бою 24 июня. Это было действительно серьезное дело, наш батальон перебросили в долину Иа-Дранг. Тогда-то на нас и напало, казалось, целое полчище этих узкоглазых мерзавцев.

Они вели бешеный огонь – у всех вьетконговцев, кого я видел мертвыми и с оружием, были русские автоматы ППС. Пули летели так низко над землей, что почти никто из моего взвода не смог воспользоваться лопатками и окопаться. Но и мы тоже старались дать им достойный ответ. Я видел, как сержант Сэвидж стрелял и убил шестерых вьетконговцев. Наш лейтенант лежал в грязи, как все мы, пуля попала ему в бедро, прошла через все тело и вышла из правого плеча – он истекал кровью, но продолжал руководить обороной. Мы успели усвоить, что самый верный способ самоубийства в бою, это вести себя как командир, пытаться отдавать приказы, размахивать руками и пистолетом, даже просто внешне быть похожим на офицера – тогда на тебя обязательно обратит внимание вьетконговский снайпер. Потом лейтенант передал книжку с инструкциями по использованию средств связи старшему сержанту, взводному Карлу Палмеру, приказав сжечь ее, если будет грозить плен. И еще велел перераспределить оставшиеся боеприпасы, вызвать огонь артиллерии и при первой же возможности прорываться. Однако Палмер и сам тогда уже был ранен, а через минуту убили и его. Командование взводом принял на себя Сэвидж, он связался с артиллерией и вызвал прицельный огонь. Взрывы снарядов ложились в опасной близости от нас, но напугали вьетконговцев и заставили их отойти. Когда нашего взвода уже не было – шестнадцать погибших, девять раненых, только я и Сэвидж каким-то чудом были целы.

Знакомый писарь сказал, что в том бою наш батальон потерял двести человек только убитыми – зато вьетконговцам это обошлось в тысячу двести трупов, так написали в донесении, отправленном в штаб дивизии. Я не видел такой кучи дохлых красных и втайне думаю, штабные просто умножили число наших потерь на число вьетконговцев, застреленных Сэвиджем. Но ведь на самом деле далеко не все из нас были так удачливы, как он, многие вовсе погибли раньше, чем смогли уложить хотя бы одного вьетконговца! Однако я молчу – поскольку мы

были объявлены героями, получив по «Серебряной Звезде», медали за храбрость. И батальон был выведен с фронта в Сайгон, сейчас мы ждем, когда придет пополнение – господи, только бы не «идиоты»! Мне страшно представить часть, где эти кретины составляют большинство. Их всех перебьют в первом же бою, а с ними и нас, последних верных солдат Америки! И вы, сэр, расскажите там, дома – как мы тут исполняем свой долг!

Что говорите, будет снят фильм – как храбрые американские парни истребляют тысячи вьетнамцев? И моя внешность показалась вам подходящей для образа крутого главного героя? Так это все Эбола, сэр, волосы как выпали, так и не отросли больше. Бабы нос воротят, боятся, что сифилис – не показывать же им каждый раз медицинский документ! А я, спасшись в мясорубке Иа-Дранг, едва не погиб тут, в Сайгоне, когда эти красные ублюдки взорвали гостиницу для сержантского состава, повезло мне выйти оттуда за пять минут до того. Вьетконг пишет в своих листовках, что у нас «земля будет гореть под ногами». И, проклятье, кажется, они были правы, во всем Вьетнаме нет ни одного места, где мы были бы в безопасности! Только не верьте карте, которую вам показывали, «территория под нашим контролем». Вьетконговцы никогда не удерживают территорию, им это абсолютно не надо. Потому что когда мы входим в любую деревню, где они были недавно, их там нет, но все местные жители уверены, что они вернуться, считают именно их хозяевами этой земли, волю которых надо исполнять – ну а мы и Зьем, это что-то временное, чего завтра не будет. Это бесило – но, проклятье, это была правда! Стоило нам уйти, как Вьетконг возвращался в эту деревню. За чертой городов тут все за Вьетконг, кроме очень немногих отщепенцев – по крайней мере, я там ни к одному вьетнамцу не повернусь спиной. В городах, считается, что большинство за нас – вот только зачем тогда Зьему тайная полиция, числом превосходящая его же армию раз в десять? И простите, но этот «наш сукин сын» не большой любитель демократии, чем средний уроженец штата Алабама, сторонник равноправия ниггеров! Вы ведь знаете, как здесь несколько буддийских монахов – просто сумасшедшие – вышли на главную площадь, где по-настоящему подожгли себя и сгорели заживо! Все это видело множество людей. Это было какое-то безумие – но еще большим безумием были устроенные зьемовской полицией ответные погромы в буддийских монастырях. Черт побери, мы что, кормим этого сукина сына в надежде, что он вечно будет сидеть на наших штыках? И нам до скончания времен слать в Штаты гробы? Между прочим, совершенно не заметно, что увеличение зьемовского террора против своих же избирателей как-то уменьшает частоту и интенсивность диверсий Вьетконга против нас. Сукин сын Зьем больше всего озабочен, как удержаться у власти – но какого черта мы должны оплачивать этот его счет своей кровью?

Мой персональный счет, сэр. Ведь мой контракт должен был завершиться месяц назад. Но «во время, когда Соединенные Штаты ведут войну», вы ж знаете этот параграф, сэр. И чтобы получить мои, кровно заработанные доллары, мне придется рисковать головой еще черт знает сколько времени. Пока Вьетконг не капитулирует – а он этого не сделает, пока ему с севера идет помощь оружием и людьми, и там под крылом «дяди Хо» у красных безопасный тыл. Так пусть наш президент прикажет сбросить атомную бомбу на Ханой – по-настоящему, а не как французам грозил в Париже. Пусть хоть заполирует все эти проклятые джунгли до ровности автостоянки, пусть не останется ни одного живого вьетнамца, как у нас в Калифорнии пятьдесят лет назад умер последний местный индеец, доживавший в качестве учебного пособия в университете Сан-Франциско. Но только бы я вернулся наконец домой!

Проклятые коммунисты – стройте свой грабительский порядок у себя, но не лезьте к нам! Оставьте нам, людям «свободного мира», жить так, как нам хочется – без ваших «колхозов» и справедливости!

Лючия Смоленцева

Ты уж прости – но разжалую тебя в любимые жены. Ну еще в актрисы, в довесок.

Это сказал мне мой муж, мой рыцарь – когда по моей оплошности погибла Ганна Полицук[8 - См. кн. «Красные камни»]. Ее лицо осталось в фильме, что мы тогда сняли – «девушка с котом», жительница города Дрогобыча пятнадцатого века, служанка «пани Анны». В титрах в конце ее имя названо в числе «памяти членов съемочной группы, убитых бандитами ОУН». Мы знаем, что Линник и его «птенчики» к бандеровцам отношения не имели – но поскольку делу была дана широкая огласка и освещение в газетах, то чтобы советские люди не усомнились в истинности коммунистической идеи, банде Странника приписали связь с ОУН-УПА «в рамках заговора с целью ревизии Советской власти». Так решили на самом верху (кто – Пономаренко или сам Сталин?), и не нам обсуждать. И «какая разница фашистским мерзавцам, заслуживающим стенки, за что конкретно их исполняют», слова Вали Кунцевича. А мне осталось замечание от моего мужа – о котором он сам, возможно, уже забыл. А я – нет. Хотя ни разу ему о том не напомнила.

В прошлом году я наконец закончила Академию... хотя официально это учебное заведение называется иначе. В самом начале это действительно был факультет в Академии МГБ – но очень быстро перерос этот уровень. Так что теперь, отделившись в пятьдесят первом, моя «альма матер» (серьезно – ведь в отличие от Анны Лазаревой, я не училась в университете) зовется «Высшая школа подготовки специалистов государственного управления». Где обучают все тому же, что в самом начале – «как нарушить устойчивость чужой власти и повышать таковую у власти своей». Среди предметов – социология, психология, «тактика психологической войны», даже опыт западного маркетинга (ведь пропаганда суть та же реклама). Ну и остались чисто боевые предметы – вроде физических тренировок, стрельбы, основ следственного дела. А также тактика терроризма и контртерроризма (простите, у нас он назван «партизанской войной») – но кто скажет, что это не есть средство укрепления или обрушения власти?

Формально наша Школа считается высшим учебным заведением, куда может поступить любой гражданин СССР, окончивший десятилетку. Фактически «с улицы» людей не берут, а только по направлению от «инквизиции». Учатся и парни, и девушки, причем последние – в подавляющем большинстве, «наши» кадры, выпускницы «смоленцевских» училищ – в этой истории аналог «суворовских» и «нахимовских», но для девочек-сирот, чьи родители, военнослужащие Советской Армии, погибли в войну. С подачи Анны Лазаревой, эти училища в Москве и Ленинграде с самого начала были под опекой СПБ, и некоторым из девочек по окончании делали предложение продолжить учебу. Они же (не обязательно из числа обучающихся в Школе, но уже в какой-то степени «наши», по духу воспитания) составляли штат манекенщиц РИМа и актрис Театра Моды. А по замыслу Лазаревой, это еще и должен быть «клуб образцовых советских жен» – именно клуб, дружба между собой, встречи и взаимопомощь всячески поощрялись, даже для тех, кто уже вышел из «смоленцевок».

И все пристойно, вполне в рамках советской морали и нравственности! Никого не заставляли любить по приказу. Я присутствовала не раз на таких «вводных» (конечно, как инструктор, а не как участница). Есть хороший человек, ценный для страны (например, тот ученик Ефремова), вот фото, анкетные данные, психологический портрет, интересы и увлечения – кто возьмется? В конце концов, чем это хуже работы свах или брачных агентств? Да и товарищи большевики нередко женились на назначенных «невестах», которые носили им передачи в тюрьму – Надя Крупская была как раз такой, причем я читала, на ее месте случайно могла оказаться другая (забыла фамилию), которая стала бы женой будущего Вождя. Что ж – «брак по расчету самый крепкий из всех – если

расчет был правильный».

В честь кого «смоленцевки»? Вы правильно поняли – поскольку Анна Лазарева предпочитает оставаться в тени (хотя и сыграла в «Высоте» роль строгого инструктора ЦК), то все аплодисменты достаются мне. «Самая знаменитая из женщин Италии», «лицо русско-итальянской моды», жена и спутница героя, кто самого Гитлера поймал... хотя там мое участие было минимальным. А мне теперь приписывают и те дела моего мужа, где меня с ним не было – в спасении Его Святейшества из фашистской тюрьмы, в поимке сбежавшего Гимmlера, даже в abordage у берегов Ливии позапрошлым летом! И орден Святого Сильвестра, врученный лично папой – прежде эта награда давала право на итальянское дворянство, а моя «командорская» степень даже на титул – но я-то знаю, что не совершала приписываемых мне подвигов, хотя мой муж (в шутку или всерьез?) сказал, что вызовет на дуэль любого, кто в том усомнится. Он старался обучить меня всему, что сам знал и умел, «на случай, если тебе придется спасти свою жизнь», и даже дозволил прыгнуть с парашютом – но категорически возражал против моего участия в реальных делах, где есть опасность. А я хочу доказать, что могу сделать что-то полезное – не только на экране!

Сейчас моя основная работа состоит в том, что я веду свои страницы в «Лючии» (иллюстрированный журнал от нашего РИМа – дома русско-итальянской моды), где рассказываю своим соотечественникам (а особенно соотечественницам) о жизни в СССР – мой муж назвал это «блог, за полвека до инета». Правду, только правду – ведь этот журнал и в СССР читают! Причем каждый месяц для нового номера требуется что-то новое и оригинальное! Отчасти эту задачу я решила, используя в качестве корреспонденток девушек из РИМа – что они видят, знают, да ведь и их жизнь, быт в Советской стране тоже интересны итальянкам? Ну а я имею право – если это государственная задача, а не мой личный интерес. Еще я числюсь художником-модельером в РИМе (а фактически являюсь «главноопекающей» от СПб с правом решающего голоса). Также два раза в месяц выступаю по московскому радио – опять же, для итальянской аудитории. Ну и кино – эпизодически. Так же как были иногда (вместе с Анной) поездки по Советскому Союзу – и в качестве помощницы Лазаревой, и для сбора материала для «итальянских» репортажей. Еще недавно ко всему этому добавлялась учеба в Академии (как я сказала, давно уже наше заведение зовется по-иному, но мы привыкли в разговоре именно к такому названию и даже считаем это за отличие «старослужащих» студентов) – шесть дней в неделю, с девяти до трех – и если я отвлекалась, как, например, на съемки «Ивана-тюльпана», то должна была после в «заочном» режиме пройти курс по учебникам (и индивидуальным консультациям с преподавателями), и в конце сессии сдать зачет или экзамен

без всяких поблажек. Правда, в эти часы входила «физподготовка» – сейчас же тренировки три раза в неделю по два часа вечером (теперь будут меньше – муж сказал, «пока не родишь»). Сосчитайте сами, сколько остается – дому, мужу и детям. Моя огромная благодарность домработницам тете Паше и тете Даше (вообще-то, одна из них числится домработницей у Лазаревой – но они часто помогают и подменяют друг друга, тем более что квартиры у нас в одном подъезде). И такая же благодарность Марии Степановне, жене офицера-пограничника, которую Пономаренко приставил к Лазаревой для помощи с детьми (и которая не отказывалась брать заботу и о моих детях, когда я отсутствовала). Но тем больше я ценю каждый час, проведенный с детьми – и вот не шучу, убью любого, кто заикнется о «ювенальной юстиции» применительно к моим детям! И буду чиста перед совестью и богом! Впрочем, по секрету скажу, я слышала, что и Анна спорила со своим Адмиралом, «Владика в Нахимовское? В двенадцать лет ребенка из дома в казарму?!».

Валя Кунцевич как-то назвал нашу Школу – «курсами подготовки чрезвычайных комиссаров – которые должны понемногу уметь всё». Что-то в этом есть – учитывая, что у нас поощряется наличие (или получение) второго высшего образования. Как, например, Инночка Звягинцева (теперь Бакланова) осенью прошлого года все-таки поступила в «бауманку» (пока на заочный – но собирается после выпуска из Школы на дневной перевестись). И успевает еще дома, с ребенком – хотя он у нее пока лишь один, и других нагрузок нет. Не считая кулинарии – талант у нее вкусно готовить, такие обеды устраивает для нашего девичника, что после я начинаю опасаться за свою фигуру. Но не могу забыть салат оливье – приготовленный по подлинному рецепту того самого месье, с рябчиками и прочим вместо вареной колбасы. Хочу взять рецепт и научить тетю Дашу – чтобы хотя бы изредка радовать семью вкусоностями.

Ну а «корочки» СПб, это, как выразился муж, сродни стародавнему чину «флигель-адъютанта». Дают право непосредственного доклада на самый верх касаясь обнаруженного не порядка – и право требовать его устранения. В отличие от моего рыцаря, я не участвую непосредственно в миссиях от «инквизиции». Но считаю, что любое дело должно иметь результат – пользу для коммунистической Идеи. Звучит пафосно – но я знаю, какое торжество сатаны настанет через тридцать лет, если мы не успеем ничего изменить. И не хочу, чтобы это случилось и здесь!

Сегодня в нашем РИМе (доме русско-итальянской моды) показ новой коллекции на весенне-летний сезон 1955 года. В Москве есть Дом моделей на Кузнецком

мосту, так же как и в Ленинграде есть Дом моды, но они нам не конкуренты – у них другой принцип, иной подход, планово-советский. Там, как в конструкторских бюро, создаются модели, которые после утверждения комиссией Минлегпрома СССР (с учетом требований технологичности и экономики) будут массово выпускаться на швейных фабриках. Утвержденный проект вносится в План, который в Советском Союзе имеет силу закона – составленный на длительный срок (пятилетку, но обычно год, по истечении которого возможно внесение изменений). Что гарантирует количество, и точно в срок, ну а качество – случается, что как в фильме «Карнавальная ночь», версия в этой истории, как сцену украшали.

– Здесь на стене нарисовать – внизу зеленые елочки на белом снегу, над ними темно-синее небо, и золотом звезды и месяц.

– Так точно, тащ Огурцов. Внизу до этой черты белилами закрасим, а что выше, черной сажей. Других красок нет, и маляр Михалыч с похмелья лишь по прямой красить может. Но сделаем аккуратно и быстро!

Вот она – плановость, технологичность, экономия. Знаю, что этот принцип отлично работал в СССР в войну при изготовлении оружия – танков, пушек, самолетов. Хорош он и для чего-то вроде тарелок и табуретов, а также гаек и болтов. А применительно к одежде – для армейской униформы и сапог. Но если советские мужчины еще такое терпят (да и одеваться «по-военному» у молодежи считается шиком), то женщины категорически «устали от сапог и шинелей». И потому РИМ работает вовсе не с массовым пошивом, когда надо думать, как выгадать копейку себестоимости на каждом экземпляре. Мы тоже придумываем и показываем свои коллекции – а дальше клиентки могут тотчас же заказать понравившуюся модель, по своей индивидуальной мерке. Или же, поскольку швейные машинки дома уже не редкость, приобрести выкройку – в виде альбома, где также напечатана методика, как расчертить на ватмане персонально под ваш размер, или уже сделанные под вас, или уже нанесенные на ткань, или все раскроено, вам только сшить (и соответственно, с различием в цене для каждого варианта), ну и конечно купить у нас материю, фурнитуру, а также все необходимые дополнения – шляпки, перчатки, сумочки, зонтики, белье (что-то привозим из Италии, но сейчас, на девятом году после открытия в Москве «дома итальянской моды», большую часть заказываем здесь, и обычно артелям, а не госпредприятиям). Что опять же гораздо удобнее для публики, чем в Доме моделей – где присутствовать на показе новых образцов, конечно, престижно, но вот сразу получить понравившиеся лично вам это проблема.

Поскольку неизвестно, когда эти образцы попадут в производство (пройдя все инстанции), и будут ли они там вообще.

Товарищи из Легпрома пытались даже жаловаться на нас Правительству – и были одернуты, с самых высот. Поскольку, как мне рассказала Анна, товарищ Пономаренко (а то и сам Сталин), рассматривая фотографию иной истории, французские манекенщицы «от Диора» на улице Москвы, изрек: «идеологическая диверсия». И что, конечно, нельзя рассчитывать, что все советские женщины станут выглядеть, как эти мадмуазели (одетые явно напоказ), но вполне можно – чтобы для наших советских людей это не казалось чем-то необычным и заграничным. Ну и бесспорно, сыграли свою роль «особые отношения» девушек из РИМа с Конторой Пономаренко, и соображения советско-итальянской дружбы, и даже тот факт, что одеваться у нас стало «статусным» для жен и дочерей высокопоставленных товарищей, а также богемы.

Именно жен – мужчины в большинстве пока предпочитают носить «от Легпрома». Что ж, «лучшее украшение для любого синьора, это красивая и нарядная синьорита рядом». Ну а «статусность» – что ж, люди нигде и никогда не будут абсолютно равными во всем. И наш РИМ достаточно демократичен – билеты на показы мод продаются свободно, цены на наши заказы вовсе не заоблачные, сшить у нас платье или пальто вполне может себе позволить супруга советского инженера, учителя, врача, а если самой шить по выкройкам, то обойдется даже чуть дешевле, чем покупать готовое «от Легпрома», при гораздо лучшем качестве. Интересно, что поскольку у нас изначально предполагалось направление «шей сама», то отдавалось предпочтение моделям свободных, «летающих» форм (ну и мой личный вкус тоже – никогда не надену стесняющее движения) – а в результате накидки вместо пальто (их намного проще кроить и шить) стали «статусным» отличием тех, кто не обременяет себя тасканием сумок с продуктами (по крайней мере, я наблюдаю это на московских улицах). Впрочем, и плащи от дождя (в летней коллекции) часто в виде накидок с капюшонами, которые нередко надевают даже поверх пальто, весной и осенью (как заметил мой муж, «заняли нишу, что в ином времени прозрачные пластиковые дождевики»), ткани «болонья» еще нет, но тонкий шелк с пропиткой отчасти ее заменяет.

Я сидела за столом в президиуме (сбоку от сцены-подиума, чтобы зрителям не мешать) и смотрела на наших девушек, демонстрирующих наряды. За окном было мартовское серое небо, с тротуаров еще не сошел снег – а здесь господствовали яркие весенние цвета. Платья нашего «фирменного» фасона –

тонкая талия, пышная юбка – в иную историю вошло как «стиль пятидесятых». А ведь даже по фильмам из будущего, какие я смотрела, там одевались так далеко не все, было много и других фасонов, но отчего маркой эпохи в моде стало именно это? Оттого, что наша память так устроена, что сохраняет лучшее, а неприметная серость уносится в забвение – как замечено у Ефремова в «Лезвии бритвы» (за точность цитаты не ручаюсь, но суть передаю верно). И даже больше – часть нарядов представляемой сегодня коллекции имели сходство с теми, что носили когда-то наши прапрабабушки на старинных портретах.

Летом прошлого года я снималась в кино. Фильм про «перестройку» на основе русской классики – по роману Тургенева «Накануне». Я смотрела обе экранизации иной истории, 1959 и 1985 годов. Первая мне понравилась больше – лиричностью, музыкой, да и актриса, на мой взгляд, больше в образ попала. То, что делаем мы здесь – не будет похоже ни на один из них, хотя возьмет их лучшие черты. Как это нам удалось – судить зрителю.

По словам товарищей с «Воронежа», вполне можно было перенести действие в год 1980-й. Стахов, отец Елены – номенклатура среднего звена. Шубин и Берсенев – интеллигенты, ищущие ответы на вечные российские вопросы «что делать» и «кто виноват». Курнатовский – пробивной и перспективный второй секретарь, скоро станет первым. Зоя, обычная советская студентка, «замуж хочу, чтоб семья, дети и дом полная чаша». Инсаров, это революционер-барбудос из какой-нибудь борющейся за свободу страны, приехал в СССР учиться. Ну а Елена, это дочка высокопоставленного товарища, кто не омещанилась, а искренне тяготится скукой застоя и ищет высшую цель жизни. Возможно, фильм бы получился – но, как заметил Пономаренко, у нас пока не застой, и дай бог, чтоб его не было.

Так что у нас время действия, в соответствии с автором, 1853 год. Последнее мирное лето – Россия еще овеяна тенью победы над Наполеоном, почивая на лаврах иного застоя (и ведь интервал такой же, чуть меньше сорока лет). Вот-вот начнется гроза – в итоге проигранная война, и перемены в обществе, свобода капитализма вместо «командно-административной системы» Николая Первого – а пока люди рассуждают о смысле бытия, никуда не спеша, им кажется, что все будет длиться вечно. Дворянские гнезда, вишневые сады – последние годы мирного застоя, «засыпает синий Зурбаган, а за горизонтом ураган» (образ восьмидесятых из того СССР).

Отец Елены, бывший боевой офицер, герой войны 1812 года, в молодости – как поручик Ржевский из «Гусарской баллады» (здесь еще не снят, но собираются). Выйдя в отставку, в душе остается тем же рубакой-гусаром, «там было настоящее, а тут просто существование». Потому пьянки, карты, любовница-немка – к чему стремиться и о чем жалеть? Но именно послушав то, что осталось в его мечтах, он в конце отпускает дочь с Инсаровым – не свою слабость показав, а увидев, что она нашла в жизни настоящее, чего сам он уже не увидит никогда.

Шубин, Берсенев – прожигатели жизни? Но зачем тогда первому наука, а второму ваяние? Они тоже ищут (может, и не осознавая), как сделать то, что оценю не один я, за что меня будут любить. Путь хорош – но требует воли, самоотречения (чего, например, у Шубина нет – раз он образование бросил). И лично творцу подходит – а той, кто стала бы ему не просто женой, а близкой по духу, по цели?

Курнатовский – изображен типичным американцем, «нравственно то, что успешно» и успех это и есть высшая Цель, к которому можно и должно идти по трупам, по головам. Мне показалось, что у Тургенева он скорее «немцем» показан, для которого орднунг это высшая добродетель, а «я следую порядку», это костыль во всех моральных обстоятельствах. Но утвердили так, на злобу дня.

Мать Елены – видит свою Цель в служении семье. Как сейчас офицерские жены, быть крепким тылом. Ради этого прощает мужу измены, и обеспечивает порядок в доме не покладая рук. За собой следит, поскольку так принято, не может жена дворянина Стахова выглядеть замарашкой – но страсти к нарядам у нее нет.

Зоя – тип тот же. Но поскольку еще не замужем и молодая, весьма заботится о внешнем – платья, украшения. Искренне считает своей ближайшей целью – удачно выйти замуж, то есть за богатого, в чинах, а если при этом еще и не старик и не грубиян, то это предел желаний. Но даже в ней мелькает что-то, хотя бы в виде отрицания – «зачем задумываться, живем только один раз». То есть хотя бы понимает, что у кого-то высшая цель – есть?

Увар Иванович, дальний родственник героини – в романе показан совершенно второстепенным персонажем, у нас же он не выписал откуда-то, а пытается изобрести еще невиданный музыкальный инструмент «контрбомбардон», облагодетельствовать человечество. Это стало для него навязчивой идеей – из которой ничего не выходит, так как нет ни образования, ни опыта, ничего кроме желания. Но все же заслуживает уважения, раз человек старается, вместо того

чтобы пребывать в лени.

Инсаров – как Че Гевара (знаю, кто это, читала) в декорациях девятнадцатого века. Человек, для которого нет никакой жизни, пока его родина страдает под чужеземной пятой. Образ вовсе не плакатный – вот я представила, в самом деле, как можно жить, строить свой дом, любить свою семью, когда по улице ходят чужие солдаты, которые могут убить тебя, твою жену, твоих детей, сжечь твой дом, уничтожить все, что тебе дорого? И в фильме мы добавили – когда Инсаров рассказывает Елене, то на экране горящая деревня, хохочущие башибузуки рубят женщин и детей, а толстый паша смотрит на это, изрекая: «славянские рабы».

– Вы, русские, не понимаете своего счастья. Жить в сильной стране, где никакой иноземец не посмеет обращаться с вами неподобающе. Не как у нас – когда любой самый уважаемый болгарин, встретив турка, обязан кланяться ему в пояс – иначе будет тут же избит «за непочтение».

Ну а Елена – истинно «тургеневская барышня». Вот не пойму, отчего стало синонимом «кисейных»? Если у меня при прочтении возникает образ большевистских комиссарш, которым лишь родиться преждевременно не повезло. Марианна из «Нови» так и смотрится – в кожанке, красной косынке, с маузером на боку. Ну а мне интересен был процесс, как такими становились? И про любовь, конечно – которая, как в песне, «отважно сквозь бури с тобой пройдет». Вечная же тема – и никогда не исчезнет. Тем более (и этим роман Тургенева выгодно отличается) тут высокое чувство не возникает непонятно откуда, как во всяких там «дамских» романах, «она только увидела его, и у нее ноги подкосились, а сердце забилося в груди» – нет, здесь Елена сначала к Идее потянулась, которую Инсаров нес, «освободить свою Родину – эти слова даже выговорить страшно, как они велики», и лишь после поняла, что любит человека. Ну а дальше уже не остановить, ничто другое не имеет цены в сравнении с Целью, ради которой следует жить.

– Так ты пойдешь за мной всюду?

– Всюду, хоть на край земли. Где ты будешь, там и я буду.

Интересно, а если бы Инсаров ради любви предал бы свою Идею? Решил, что хватит с него, осел бы в России, пошел бы служить или торговать, добился бы

чина и достатка? Продолжила бы Елена так же его любить? Или потеряла бы к нему интерес – и что тогда, вернулась бы в отчий дом, сломалась, вышла за кого-то вроде Курнатовского? Или пошла бы во все тяжкие, стала бы революционеркой, ходила бы в народ, а затем бросала бомбы в царя? Не знаю.

Тут я подумала, какое счастье, что я родилась в подходящее время! И мне не надо выбирать между Идеей и семьей. У меня есть Цель – но также и любимый и любящий муж, дом, дети, красивые платья. Поскольку мы не гонимые подпольщики, а граждане великого и победного СССР. Где, я надеюсь, не будет ни застоя, ни перестройки.

А платья у наших героинь были великолепные. Похожие на «Унесенных ветром», тем более что эпоха (и моды) близки. И для каждого эпизода – свой наряд (заодно и реклама РИМу – «русско-итальянской моде»). По секрету скажу, что сходство с девятнадцатым веком было лишь внешнее – начиная с того, что ткань была самая легкая, чтобы нам такую тяжесть (почти два метра в диаметре по подолу) не таскать. И под платьями у нас было все современное – белье, что сто лет назад носили, это какой-то ужас, орудие пытки: корсеты, в которых было ни согнуться, ни вдохнуть, лишь в обморок падать, чулки, перетягивающие ногу как медицинским жгутом – не надо нам такой «достоверности»! Из той эпохи была лишь одна хлопковая юбка под платьем, к которой обручи пришиты (собственно кринолин) из очень тонкой проволоки – я могла в этом наряде даже бегать без стеснения, лишь у кустов надо следить, чтобы не цеплялся подол. Вряд ли в реальной жизни у небогатой московской дворянки (а тем более у ее компаньонки) могло быть столько роскошных платьев, на каждый выход свое (подобно тому, как в столице на бал) – да и как бы трепать такую красоту по грязи, по навозу, по колючкам? Точно так же и верхней одеждой у женщин из «общества» тогда полагались не пальто, а накидки (удобнее надеть на кринолин), однако для прогулки они шились из тонкой шерсти, или даже сукна, как шинель, застегивались на пуговицы спереди и часто имели пелерину на плечи – а наши героини одеты в развевающиеся плащи из яркой шуршащей тафты, единственная застежка у горла, никаких пуговиц нет, как и прорезей для рук, полы разлетаются свободно, зато капюшон огромный, чтобы поверх широкой шляпы натянуть; такое надевали исключительно с бальным или вечерним нарядом, отправляясь в театр, на бал, на прием, от кареты до подъезда пройти, никто бы не выбрал это для прогулки на природе. Но у нас много сцен на открытом воздухе, и героинь в шинелях показывать, да ни за что и никогда – и чем мы хуже Маргарет Митчелл, пусть в памяти история останется яркой, а не серой! Нравственно ли показывать такую роскошь с классово-коммунистической точки зрения? Да – если рассматривать ее как долг, который

надо отдать обществу, народу, стране. Именно так я ответила одному товарищу, выразившему свое мнение. Наверное, и настоящие революционеры, которые в подавляющем большинстве не были ни крестьянами от сохи, ни пролетариями от станка, думали так же. Потому что лишь образованный человек может задумываться о высокодуховном и глобальном. В фильме есть эпизод, как Елена с Инсаровым идут по деревенской улице, и попавшиеся навстречу крестьяне кланяются, снимая шапки. Я спрашиваю кого-то, доволен ли он – и слышу ответ:

– День прошел, и ладно, все живы, сыты и веселы, что еще рабу божьему надо? Спасибо вам, добрая барышня, за заботу.

Инсаров после замечает, что эти крестьяне живут в счастье, по сравнению с его соотечественниками. Потому что над ними нет иноземцев, кто могут безнаказанно ограбить, унижить, и даже убить – «как тот проклятый паша обесчестил и убил мою мать». И что в его жизни теперь нет иной цели, кроме освобождения своей страны. Тогда я и произношу – «освободить свою Родину, это даже выговорить страшно, настолько эти слова велики».

Кто играл роли? Стахова-старшего – Борис Ливанов, тот же, кто в фильме 1959 года, заслуженный мэтр, имеющий в своем багаже несколько десятков сыгранных ролей, здраво решили, что там справился, сыграет и здесь, с учетом вышесказанных изменений. Берсенева сыграл Георгий Вицин – вполне драматический актер, к которому еще не прилипла маска гайдаевского персонажа. И на мой взгляд, у него получилось гораздо лучше, чем у того, кто был в иной истории – интеллигент, страстно желающий осчастливить человечество открытием, и не его вина, что выбранный им предмет, древнегерманское право, уж очень для узкого круга – человек, такой трогательный в своем старании, и жаждущий, чтобы его оценили. Могла ли моя героиня полюбить его – нет, потому что любовь из жалости будет унижительной. Ему бы найти такую, как Зоя, но чуть менее нацеленную на богатство, «чтобы муж был в чинах и с деньгами» – и способную если не понять, то хотя бы восхищаться научным занятием мужа, чтобы стать ему женой и домохозяйкой. А я на такое не способна – мне нужна собственная мечта, которой я могла бы служить.

На роль Шубина позвали молодого Олега Табакова (игравшего в фильме 1959 года). Что вызывало сомнения – если Вицин, будучи старше, уже имел за плечами работы в кино (причем тоже на тему Россия, девятнадцатый век: «Композитор Глинка», «Белинский»), то Табаков всего лишь год отучился в

школе-студии МХАТ (правда, считался одним из лучших студентов). Решили попробовать, что выйдет – в общем, остались довольны. Хотя получилось – на мой взгляд, ordinarily.

Режиссером в той истории был Владимир Петров, мастер экранизации русской классики – однако же сейчас требовалось нечто большее, мы хотели, чтобы зритель увидел жизнь и проблемы не только прошлого века. И у нас этот фильм стал режиссерским дебютом великого Марио Бавы (до того известного как гениальный оператор и мастер «спецэффектов», если можно так назвать, он виртуозно умел играть со светом и ракурсом). А еще синьор Бава очень ценил свою свободу творца – в иной истории, став уже известным, он намеренно отказывался участвовать в «суперпроектах», считая, что там, где большие деньги, уже не режиссер, а продюсер указывает, что и как снимать. Здесь же (как мне сказала Анна) с синьором Бавой было достигнуто согласие на условиях:

– Делайте, что сочтете нужным. Мы не будем вмешиваться в процесс – но оценим результат.

– Отлично! Тогда я требую на съемочной площадке абсолютного подчинения.

Зою в том фильме играла эстонка Эва Киви – которой сейчас всего шестнадцать лет. В итоге – вот не ожидала, что эта роль, вовсе не первого плана, заинтересует саму Софи Ладзаро (уже не Шиколоне, но еще не Лорен). Мы были знакомы с моего приезда в Рим летом прошлого года. И юмор в том, что я знаю, кем она станет, а сама она еще нет – и оттого, смотрит на меня с таким же восторгом, как я на Анну Лазареву. Узнав, что синьор Бава собирается в Москву, чтобы работать с «самой Смоленцевой», Софи развила такую же бурную деятельность, как я десять лет назад, когда в итоге сам папа римский просил товарища Сталина разрешить мне за моего рыцаря выйти замуж. И добилась своего.

– Софи, но ведь эта роль вовсе не героическая. И даже не слишком положительная.

– Не бывает плохих ролей – есть плохие актеры!

И ведь получилось! Я немного боялась, что она будет затенять меня – но вышло как раз в меру. Зоя в ее исполнении смотрелась – как я, но лишенная поиска

высшей цели, ради здравого смысла и вечного инстинкта женщины – муж, дом, дети. Хотя в остальном на немку (кем Зоя была по книге) она совершенно не похожа, скорее на француженку, если не на итальянку. Но фильм от того лишь выиграл!

Мне было интересно в этом фильме примерить на себя историю любви героев. По иронии судьбы, у меня с моим рыцарем случилось как раз «в один момент», в тот день в Риме в феврале сорок четвертого, когда мой герой у меня на глазах убил двух немцев, и я решила, что другого мужа мне не надо. Но там была война, случай особый, а как в мирное время? Выслушав меня, Софи ответила:

– Вы к одному стремились, у вас цели совпали, вы вместе пошли, поддерживая друг друга. Ну а моя героиня, наоборот – я вижу ее совсем не душой, не без таланта, с характером, однако же готова на горло себе наступить, став тенью мужа, поскольку для нее это статус, и «так принято». Хотя ей это не совсем нравится – но выхода не видит. У тебя роль героическая, у меня трагическая. Потому и хочу такую сыграть – чтобы разницу показать с современным, когда женщина это тоже личность, человек!

Верно – Зоя в ее исполнении вовсе не пустышка: поет, музицирует, танцует, поддерживает беседу – такая гетера девятнадцатого века. Но в то же время присматривается к окружающим мужчинам, выбирая, тот или не тот. Перед которым она склонится, «мой господин, мой повелитель» – а дальше, три немецкие «К» на всю оставшуюся жизнь.

Ну а я – мятущаяся бездарность. Была бы как Софья Ковалевская или Мария Кюри, ответила бы Берсеневу, была бы художницей или поэтессой, стала бы счастлива с Шубиным – но талантов бог не дал. И остается лишь желание чего-то такого, необычного и великого – как у домашней курицы тоска при виде стаи перелетных птиц. Хотя нет – была бы такой, после в Болгарию не поехала, ладно с любимым мужем, но уже после его смерти? Захотелось великого дела, вот и получила его сполна – ведь то восстание было турками подавлено и все погибли. Вот уж про кого надо было «унесенных ураганом» писать – ну что та Скарлетт сделала, участвуя собственно в событиях, в отличие от моей героини? Хотя и Елена, что успела сделать до того, как попала в лапы к янычарам – необученная совершенно, не знающая и малой доли того, чему меня Юрий научил? Даже в эпизоде, где Инсаров немца в пруд бросает – я актера обучала этому приему, «сечение руки вниз», вот так захват, поворот кисти на болевой и тянуть, даже если противник в центнер весом и два метра роста, он сам наклонится, чтобы не

так больно, сам вложит массу своего тела в инерцию движения, а ноги за корпусом не успевают, и вот эффектный кувырок в воздухе и приземление на спину – и заметьте, я это сделала одной рукой, при правильной технике и сила не нужна. Откуда бы болгарин такие приемы мог знать – ну, в немногим более позднее время в Москве жил писатель Гиляровский, который похожему обучился у отставного матроса по прозвищу Китаев, по каким шаолиням того носило, неизвестно, однако история реальная. Так и Инсаров – мало ли с кем мог встретиться в жизни? И если он туркам не попался, не был ими казнен – то какими-то боевыми умениями обладать был обязан. Меня же мой муж обучал «на уровне бойца Осназ – если тебе придется за свою жизнь сражаться», я с его ребятами и по лесу бегала, и полигон проходила, с парашютом прыгала, с аквалангом ныряла, умею стрелять из всех видов русского пехотного оружия, водить машину и мотоцикл – в девятнадцатый век попав, я быстро научилась бы и на лошади ездить, и шпагой махать (да ведь и случилось мне, на съемках «Фанфана»), так что выжить бы смогла в восставшей Болгарии 1854 года. А вот Елена – вряд ли, ну какие у нее полезные умения есть? Что «по-сербски и по-болгарски выучилась», а дальше? За ранеными ухаживать – а ты медицине обучена, хотя бы азам? В бою же ты вообще ноль. Анна мне рассказывала, как их в сорок первом к немцам в тыл забрасывали, в партизанский отряд – после двух месяцев Школы, и у нее до того Осоавиахим был, где она из боевой винтовки стреляла и даже с парашютом прыгнула в первый раз. А моя героиня вообще в руках оружия не держала никогда – и потому, для нее «в Болгарию» было, как шаг в пропасть, на верную смерть. Но «что мне делать в России?».

Однако в самом начале я о том не задумывалась. Когда мне Инсарова представили, и я расспрашивала его про его страну. И «птица в клетке», что билась в моей душе, не находя выхода, почувяла простор, я расспрашивала его о Болгарии, о короле Хруме (или Кроме), жившем в древние времена, о болгарском языке... вот интересно, сумела бы я так увлечься им, будь он не братом славянином, а например, эфиопом? Наверное, да – ведь будут же через полвека петь русские добровольцы «Трансваль, Трансваль, страна моя». Хотя там они не за свободу негров воевали. Вот не знаю!

Ну а после, когда я поняла, что влюбилась... в кого или во что? В человека, в Идею, в свою надежду выбраться из этой скуки? Мадонна, наверное, я слишком здравомысляща для этой роли – вот могла бы я так, за любимым человеком, перечеркнув решительно все свое? Объяснение в часовне – отказаться от Родины, от родителей, свергнуть себя в нищету. Ведь мне тогда, десять лет назад, было намного легче решиться – когда я перед самим Его Святейшеством папой предстала, чтобы он помог мне за моего рыцаря замуж! Советский Союз

был великой и победной державой – и было очевидно, что такой герой, как Юрий (кто самого Гитлера ловил), бедствовать не может, равно как и никто не потребует от меня, даже приняв советское гражданство, отречься от Италии и своих родных в Риме. Ну а Елена – это как бы мне тогда пришлось ехать не в Россию, а в Африку, выйти за какого-нибудь вождя угнетенного ливийского народа, и всю оставшуюся жизнь бегать за ним по пустыне, и верблюдам хвосты крутить! И если она все-таки сделала такой выбор... впрочем, а понимала ли она в тот момент то, что вижу сейчас я?

Будем считать, что понимала – о героине надо думать лучше. То есть она решилась на то, что не осмелилась бы я? И как мне тогда сыграть – чтобы зрители поверили? Тут мне с режиссурой повезло: синьор Марио Бава гений, он поразительно умеет работать с ракурсом, освещением, тенями, музыкой! Увидев себя на экране, я была потрясена, как он сумел передать то, о чем я только мечтала! Платой за это послужило огромное число дублей, где мэтр искал самое лучшее решение. Очень скоро я вспоминала «Высоту», где снимались мы с Анной – с облегчением. Но результат того стоил!

Юрий, когда я рассказала ему, что в фильме кадры настоящей бури с грозой (в эпизоде, где я встречаюсь с Инсаровым в часовне) даже возмутился, «как этот синьор мог тебя опасности подвергать – а если бы молния, или дерево упало». Я в ответ рассмеялась и сказала, что меня там не было. Метод режиссуры – показать размах, масштаб событий: сначала изобразить самый общий, величественный план, а затем перевести фокус на то, что видится малой частью этого целого. Стена грозовых туч, уходящая на огромную высоту, надвигается на солнце, молнии сверкают – это на экране выглядит страшно, да еще со светофильтрами на объектив, чтобы тучи казались особенно темными и жуткими, и контраст, игра теней – такие тонкости операторской работы. Но это снимали отдельно, у метеорологов заранее узнавали, где и когда грозу застать. А в фильме после этих кадров мирный пейзаж, сначала как бы издали, затем приближается – дом, где моя героиня живет с семьей (настоящая старая усадьба под Москвой, мне сказали, памятник архитектуры), и возле нее я стою, вместе с Зоей, мы в небо смотрим, словно эту грозу увидели, и собираемся бежать, укрыться в доме – но тут я бой часов слышу, и понимаю, что Инсаров не придет. Тогда я останавливаюсь, на экране наши лица крупным планом, под тревожную музыку, на фоне гнущихся деревьев, с наших голов шляпы рвет, мы руками придерживаем – широкие соломенные шляпки, подобные тем, что я видела в другом кино из будущего про «иветту, жанетту, жоржетту», взяты из современной коллекции РИМа, предлагаемой советским женщинам на текущий летний сезон, и лишь «стилизованные» под девятнадцатый век, добавив вуаль,

искусственные шелковые цветы и ленты. Знаю, что в те времена дамы чаще носили шляпки, похожие на капоры – ну так в иных исторических фильмах «из будущего» я видела героинь на улице с непокрытой головой, что в жизни тогда считалось прямо неприличным и подобающим лишь продажным женщинам. Ленты полагалось завязывать, чтобы шляпа не слетала, но я предпочитала так не делать, оставить свободно развеваться, а глядя на меня, и остальные актрисы тоже – в результате даже в фильме можно увидеть, как в уличных сценах у девушек из массовки шляпки сдувает, и на прогулке в парке Зоя не сигарочницу Шубина кидает в кусты, как в книге, а заставляет его за своей шляпкой бегать (ну совсем как будущий великий писатель Джанни Родари в Риме, за моей). И во многих советских фильмах эпизод есть, как с героини шляпу срывает ветром – я даже Анну про то спросила, и услышала ответ:

– До войны еще была у меня подружка, Октябрина, в одном дворе росли. Так мать у нее, истинно советского воспитания, категорически предостерегала нас, шестнадцатилетних, чтоб не общались с некоей особой из соседнего подъезда, потому что «она легкомысленная – в шляпке». Соломенные и панамки летом допускались, особенно на юге, а у нее фетровая на осень и зиму, считалась «буржуазным излишеством». И сейчас в психологии что-то еще осталось – если не у самих режиссеров, так у публики, которой эти мастера стараются угодить. Оттого унесенная ветром шляпка – это понятный всем символ столкновения изнеженной городской барышни с грубой реальностью, превратившийся в киноштамп.

Верно – вспоминаю, что началось это в кино как раз тогда, когда советские женщины все чаще стали выглядеть, как Аня Лазарева, а не как «товарищ Брекс» (тоже персонаж, знакомый нам по Киеву). Самым первым помню «К Черному морю», как молодая пара на собственной «победе» на юг едет (сорок девятый год, когда в Москве только что бензин стал в свободной продаже), и сцена на шоссе с пробитым колесом, как жена мужу помочь пытается неумело, и сначала шляпу упускает, затем колесо под уклон, бежит ловить, под смех проезжающих, и колхозный шофер Вася, свою полуторку остановив, помогает героям колесо заменить. А последним, как раз перед нашими съемками, я смотрела «Медовый месяц», где героиня после института не хочет с дипломом медика по распределению ехать, и срочно выходит замуж за того, про кого говорят, его в Москве оставят – а он, комсомолец-энтузиаст, сам просит направить его на целину, и дальше «развод немедленно!» – «а я не дам вам развода!»; в финале молодая жена все-таки перевоспитывается и уже ему отвечает на слова «теперь мы можем развестись» – «а я не дам тебе развода», объяснение после того, как героиня отправилась в соседнюю бригаду к

больному по вызову пешком («машина сломалась»), с докторским саквояжем в руке, и в туфельках, крепдешиновом платье и соломенной шляпке (разве медработницы в таком виде на целине ходили?), а возвращаясь так же («ничего, добегу, тут пара километров всего»), попала в пыльную бурю; тут муж, узнав о том по телефону, на «козлике» мчится свою жену искать, и когда находит, те самые слова и конец фильма, на фоне хлебных полей и бушующей стихии. Ну а мне нечто похожее – на этой съемочной площадке пришлось испытать!

Ох и измучил нас синьор Бава даже в том коротком эпизоде, где Зоя-Софи пытается меня удержать – пытаюсь поймать наиболее удачное выражение наших лиц, и нас вместе, и по отдельности, крупным планом, на фоне треплющихся кустов! Софи пытается меня отговорить – а затем свой зонтик мне отдает, чтобы я не промокла (зонтики в фильме у нас тоже были не крохотные кружевные «парасольки», как подлинно по эпохе, а нормальные «трости» с большими яркими куполами, лишь обшитые кружевом по краю, чтоб стилизовать под прошлый век). Затем камера отъезжает и показывает в полный рост, как она на ветру стоит и рукой мне машет.

– Я сыграть хотела – что сама бы так никогда не поступила, но тебе завидую. И желаю, чтоб у тебя получилось.

Продолжение эпизода снимали в другом месте и на следующий день. Поле, лес, речка, часовня (тоже настоящий храм нашли). Погода была отличная – по сюжету, как затишье перед бурей – я через поле спешу по дороге, под зонтиком, такая нарядная, как Скарлетт из того фильма (кстати, не нахожу, что героиня Вивьен Ли красивее меня и лучше одета!), это тоже сняли с разных ракурсов, несколько раз. А затем, когда я ничего не подозреваю, синьор Бава командует, и вентиляторы внезапно обдают меня совершенно бешеным вихрем! Я понимаю, что надо непогоду изобразить, и лучше ветер, чем дождь (ну как бы мне мокрое платье на сухое менять перед каждым дублем?). Но вы можете представить, как это, в кринолине и в урагане? Я сильная, тренированная – но вешу всего сорок девять килограмм!

– Символические кадры, синьора! Барышня, привыкшая к светской жизни – и по своей воле попадает в бурю, беспощадную к ней, как революция. Сама стихия показывает ей, что ее ждет дальше. И как бы спрашивает – не испугаешься, не вернешься домой?

Синьору Баве – символ, режиссура. А я была уверена, с меня сейчас платье сорвет, перед камерами! Вот не понимаю, как в Америке, во времена Скарлетт, дамы в кринолинах ходили – если там такие ураганы бывают, что уносят даже дома? Попалась мне после книга Наливкина про «ураганы, бури, смерчи» («библия советских метеорологов»), и там не единожды упомянуто, что при американских торнадо «с женщин срывало одежду». Знаю, что торнадо (если в него попасть, а не вблизи он пройдет, как в тех случаях) гораздо страшнее урагана – там бы я сорванным платьем не отделалась, меня саму бы унесло. И что героиня книги Маргарет Митчелл жила в Джорджии, а не в долине Миссисипи, где «аллея торнадо» – и наверное, имея под платьем множество нижних юбок или тяжелые стальные обручи, могла и в ветреную погоду гулять без опасения. Но я уже сказала, что мой наряд был предельно легкий – и кринолин вывернуло, как зонтик в бурю, платье тюльпаном над головой, что я чувствовала, можете представить! Хорошо, что это длилось недолго.

Уж как я после набросилась на синьора Баву! А он оправдывается – это были просто гениальные кадры, вы сами увидите, и конечно, в фильм, только с вашего одобрения. Надеюсь, дублей этого не предусмотрено?

– Нет, синьора Лючия, дальше все строго по сценарию, который вы читали.

Эпизод, всего полторы минуты на экране, как я сквозь бурю пытаюсь идти, едва удерживая над головой зонтик, который треплет как знамя (забыла сказать, что он был алого цвета), затем вырывает и уносит ветром. Зонтиков было несколько одинаковых, и все они превратились в клочья – поскольку синьору Баве требовалось снять эту сцену «наиболее киногенично». Столь же зрелищно я должна была лишиться головного убора – тоже «символ», ведь как я уже упомянула, в то время приличная женщина (или же в данном случае совершающая одобряемые обществом поступки) никак не могла быть «простоволосой». Но синьору Баве не нравилось, и он требовал переснять еще дубль, как с меня срывает шляпу – господи, да сколько же еще?

– Буря вас не пускает, синьора Лючия – вы не страшитесь, но просто физически не можете продолжить свой путь!

В следующей сцене ветер сделали на максимум – и мое платье снова взлетело выше головы! Синьор Бава и тут нашел решение – указав мне встать возле березы, обняв ее двумя руками и нагнувшись вперед, дули только на нижнюю часть ствола, за которую я держалась, так что не было никакой опасности, что

дерево упадет – кадры бушующего леса снимали в другое время и в другой день. Но когда все смонтировали – даже мне смотреть было страшно! А тогда я чувствовала себя, как в «ветреном» круге Дантова Ада, дыхание перехватывало, плащ и платье на мне рвало, как паруса в ураган! Я пыталась капюшон плаща натянуть поглубже, чтобы волосы прикрыть, но это не понравилось Бава:

– Синьора Лючия, зритель должен видеть ваше лицо!

В итоге плащ с меня сорвало ветром, несмотря на мои отчаянные попытки его удержать, и унесло далеко в поле. Синьор Бава нашел, что это «грацио», и в последующих дублях (один из которых в фильм и вошел) мой плащ также улетал, и ассистент стоял вне поля зрения камеры, чтобы его поймать. Однако в следующем эпизоде я снова в плаще, когда к часовне бегу – поскольку синьор Бава заявил:

– Синьора Лючия, тогда мне придется приказать облить вас водой. Иначе как в эпизоде объяснения с Инсаровым на вас будет абсолютно сухое платье? Если героиня решила бежать к любимому, то она вряд ли испугалась бы вымокнуть под дождем.

Спасибо, не надо! По сценарию, на экране черные страшные тучи, гром гремит, молнии сверкают, и дождь струями. Перед объективом качали пожарным насосом, на меня ни капли не попало. Я у дерева оглядываюсь, замечаю часовню, бегу туда, будто бы «под ливнем». Тогда ветер должен мне в спину дуть, а не в лицо! О мадонна, я с мужем кросс бегала (по словам Юрия, «баловство – всего десять километров и без груза»), и в Академии у нас было стандартным, «пять километров не дольше чем за двадцать минут», – но попробуйте бежать против ветра, да еще когда он одежды жестоко раздувает! Хоть бы плащ сейчас сорвало, было бы легче! Но синьор Бава указывает:

– Это снова «символ», синьора Лючия. Стихия будто не пускает вас войти в храм, а вы боретесь, и наконец достигаете цели. И держите плащ, чтобы не улетел – иначе в следующем эпизоде вам придется сниматься вымокшей насквозь.

Наконец закончили – и к моему облегчению, не стали меня из шланга окатывать. Бава лишь велел мне плащ водой намочить, и снова накинуть поверх платья! Если уж так заботиться об истинности, то почему, когда я спешу по дороге через бескрайнее поле, никакого леса не видно, и вдруг как-то оказываюсь среди

берез и возле речки?

– Так наилучшим образом соответствует духу картины. Или вы, синьора Лючия, желаете, чтобы я переснял все на другом плэнере?

Не надо! Надеюсь, зрители неточности простят, если и заметят. Тем более что на экране и правда вышло очень зрелищно – русские пейзажи, буйство природы, и на фоне этого я бегу, такая красивая и нарядная, во всем летящем, развеваясь с головы до ног, под удачно подобранную музыку (вот ничем не хуже героини Вивьен Ли!). Синьор Бава назвал этот образ «полетом птицы сквозь грозу». Ну а циник Валя Кунцевич после сравнил с другим фильмом, знаменитым в СССР.

– Как Чапай через реку. Когда зрители после в другой кинотеатр шли, думая, «а вдруг там он доплывет». Все-все, не надо меня бить – я лишь сказать хотел, что смотришь с ожиданием, добежишь ты или тебя бурей унесет.

И совершенно за кадром, чего мне этот эпизод стоил. Впрочем, «Инсарову» я еще больше не позавидую – поскольку его обливали водой по-настоящему. Синьор Бава воистину гений – я прочла, что в иное время он сумел изобразить Марафонскую битву, имея малое число статистов – но так сняв множество крупных планов, что создавалось впечатление сражения многотысячного войска. Так и тут – то, что на экране выглядит всемирным потопом, на самом деле создавалось с помощью все тех же вентиляторов и пожарной машины (ну и конечно, воды из речки). Но бедному Инсарову надо было пройти через это до той минуты, когда я его увидела и позвала. Наше объяснение поначалу не удавалось – оказавшись лицом к лицу с этим малознакомым мне человеком (артистом, а не героем), я не испытывала к нему никаких чувств (тем более таких, чтобы бросить дом, родных, отечество), а еще он после ливня имел крайне непрезентабельный вид, и когда должен был меня обнять, я непроизвольно отстранялась, эпизод выходил просто ужасно. Синьор Бава, увидев это, не стал меня бранить. Теперь я понимаю, что он решил – стоит потратить еще один съемочный день, чтобы снять отличную сцену.

Назавтра мы приехали на то же самое место. Меня снова трепало ветром, и я сердилась, что вся киногруппа видела мое белье (не надевать же современный купальник под платье девятнадцатого века). К моему облегчению, в этот раз «ветреные» сцены завершили быстро и перешли к часовне. Вот я молюсь перед иконами, никакой старушки-странницы в сценарии не было, в отличие от книги, ее слова про «хорошего человека» мне Зоя говорит, зонтик отдавая. Вот я вижу

мокрую фигуру под дождем, зову и машу рукой, Инсаров подходит ко мне... и тут у меня подкашиваются ноги, это не артист, а мой Юрий, как синьор Бава его уговорил?

Он взял мою руку в свою, и я с беспокойством подумала, он промок и замерз из-за меня? Я произносила свой текст, камера снимала мое лицо, и Юрия со спины – и я представляла, что за этим человеком пошла бы по своей воле даже сквозь все круги ада! И когда он обнял меня, я мечтала лишь об одном – о том, о чем деликатно умолчал Тургенев, следуя канонам своего века. Из описания того, как моя героиня после возвращается домой, и «улыбка не хотела сойти с ее губ, глаза смыкались и, полузакрытые, тоже улыбались, она едва переступала от усталости, и ей была приятна эта усталость: да и все ей было приятно» – я безошибочно узнала свои чувства после того, как между мной и Юрием это случилось в самый первый раз... однако дальше промолчу! Ведь боже мой, часовня, конечно, не собор, но все равно храм – и неужели тут, на полу, плашмя? Знаю, что в тургеневские времена «нигилизм» был очень популярен, да и сам Тургенев в другом романе Базарова изобразил – человеком, для которого буквально нет ничего святого! И что те революционеры церковного таинства брака не признавали, да еще этим гордились – «нас венчали не в церкви, не в венцах не с свечами». Но я так не могу – и пусть то, что Тургенев намекнул, за кадром останется, я после у отца Серхио (который так и остается все эти годы послем Святого Престола в Москве, а еще выполняет функцию моего духовника) попрошу грех мой отпустить. Ибо, хотя я не какая-то английская ханжа – но остаюсь в убеждении: в храме нельзя!

И эти мысли у меня на лице отразились. Которые синьор Бава (и не только он) истолковал как «гениальное попадание в образ» – героиня осознает, что идет против общепринятой морали, ей это страшно, но она любит и не может устоять, не чувствует за собой подлинной вины. Бава, безусловно, гениальный режиссер и оператор, как он соединил в единое целое то, что было разделено. В один эпизод (три минуты) вошли кадры, как я машу рукой артисту (Инсарову), как он входит (лицом к камере), все его реплики – и я говорю свои слова, обращаясь к своему мужу (которого не видно, или он спиной стоит, в такой же одежде, как артист), и все под лирический музыкальный фон. Получилось – ну просто слезы на глазах при просмотре (не только у меня, но и у кого-то в зале). Даже Анна, посмотрев, похвалила меня, сказав:

– Люся, ну ты просто великая актриса. Я бы так не смогла.

Мой муж был человек очень занятой и больше не смог так подменять артиста. Да этого и не требовалось – в последующих сценах, где мы вдвоем, не шло дальше касания наших рук. Хотя слова о любви были – но тут уж я старалась представить, что передо мной не актер, а мой рыцарь. И пока меня не пытались обнять – мне удавалось оставаться в таком состоянии. Тем более что по сюжету Инсаров заболел как раз после той нашей встречи (опять вопреки книге). По совету Кунцевича (и мой муж поддержал).

– Ну как это возможно, человек собрался революцию устраивать, как в бой, на адреналине – и простыл, съездив куда-то по стряпчим делам, как у Тургенева выписано? Он что, в своих странствиях в Болгарии под дождь не попадал? А мы на войне часто болели? При всем уважении к писателю, тут я с ним не соглашусь. А вот если он в раздрае был, от любви, от женщины своей убегая – тут защита могла и отключиться. Медицинский диагноз, или развитие воспаления легких, или обострение туберкулеза, вызванное простудой. Скорее второе – по сроку, раз он до зимы дотянул.

О том, как Зоя играла с Курнатовским, рассказать могла бы она сама, Софи Шиколоне, уже взявшая себе псевдоним Ладзаро, но еще не Лорен. Станет великой актрисой – а пока ей еще не исполнилось и двадцати лет, в иной истории она только начинала свой путь. В той Италии, разоренной войной, ей приходилось играть в откровенно сомнительных фильмах вроде «Торговли белыми рабынями», с оттенком непристойности. Здесь она уже успела сняться в «Битве за Рим», о событиях сорок четвертого – и теперь, наверное, ей уже не потребуется Голливуд, чтобы стать мировой звездой? Или все же разрешат сняться по контракту, в каком-нибудь совместном фильме? Если в этой истории – советское кино будет самым передовым. Если у нас все же Ефремова экранизируют, и вот хочу я сыграть Фай Родис – то Софи, наверное, подойдет роль Чеди Даан или Эвизы Танет? Не буду гадать – посмотрим, что будет. Возможно, мы еще встретимся с ней на съемочной площадке. И я рада, что мне довелось поработать вместе с ней.

Штурм турецкой крепости (из видений Инсарова, когда он умирал) сделали по образу и подобию фильма 1959 года почти без изменений. Уж очень соответствовало образу героя (хотя Юрий и заметил, ну как можно настолько глупо подставиться под пулю – но раз он там именно о смерти мечтает, сойдет). И добавили, про меня, после того, как я на борту судна контрабандистов, плывущего в Болгарию, – стою на палубе, вся в черном, на бушующие волны смотрю. Сначала эпизоды восстания, как толпа крестьян, многие с оружием,

сдергивают с какого-то дворца турецкий флаг, как идет строй повстанцев, как они бегут в атаку, «за Болгарию, за свободу». А навстречу турки выкатывают многоствольные пулеметы, и падают сраженные болгары, и мерзко смеется толстый паша: «славянские рабы». Рядом мелькает фигура английского корреспондента – рожка с бачками, клетчатый костюм, фотоаппарат на плече. И музыка звучит – сначала марш, затем что-то надрывное, печальное. Отступление повстанцев (на просмотре чей-то голос из зала: «как мы в сорок первом»), среди пеших повозки с ранеными, и моя героиня рядом с телегой идет. Кадры меняются как в калейдоскопе, вот мы видим бой парусных эскадр (знакомые зрителю по фильму «Адмирал Нахимов»), оттуда же эпизод, русские солдаты оставляют Севастополь, и наконец какие-то важные чины подписывают мирный договор.

Курнатовский во фраке с орденской лентой – повышение получил. В гостиной рядом Зоя, с младенцем на руках, идиллия.

– Ну, дорогая, наконец кончилось это военное безумие. Кстати, ты знаешь, бедный господин Стахов ездил в Венецию узнать что-то о своей несчастной дочери. Сочувствую – но где он был раньше, когда воспитал такую смутьянку, не признающую родительской власти? Ему ничего не удалось узнать – очевидно, ее уже нет среди живых.

Зоя деланно улыбается и закрывает глаза, «мне дурно». И дальше будто ее воображение (или все-таки реальность?) – снова вид отступающих разбитых повстанцев. Вдруг выстрелы, и отовсюду набегают турки, болгары пытаются отстреливаться, но их рубят, колют штыками, добивают раненых. Елена прячется в фургоне, в руке у нее револьвер. Стреляет в турецкого солдата, он падает – но сбегаются другие турки, окружают толпой. Моя героиня смотрит вниз, там бочонки с порохом, в ее руке появляются спички. И страшный взрыв разметывает врагов в стороны.

– Во-первых, то восстание у турок давили не регуляры (которые в фильме узнаваемы по синим мундирам), а башибузуки, наемная сволочь из кавказских горцев и запорожских казаков, сбежавших за Дунай еще при Екатерине, – оценил эту сцену мой муж, – во-вторых, с чего это туркам бежать к повозке толпой, они там казну увидели что ли? В-третьих, взорвалось будто не пара бочонков дымного пороха, а полный грузовик тротила – вы бы нас хоть спросили, прежде чем изображать! И ты могла подсказать – тоже ведь разбираешься уже.

Так взрыв настоящей телеги синьор Бава нашел недостаточно эффективным. И придумал снять на макете, на экране как стоп-кадр в последнюю секунду, телега игрушечного размера, фигурки турок и повстанцев вылеплены из пластилина, и одна шашка динамита – действительно, взрыв вышел немного не по масштабу. Но на экране очень зрелищно! И хочется все же узнать – что моя героиня не досталась врагам живой.

Ну и разговор Шубина с Уваром Ивановичем оставили без изменений. Когда у нас в России появятся такие люди, как Инсаров? А будут!

И конец фильма.

Замечу еще, что когда я на исповеди спросила у отца Серхио, верно ли я поняла то, что произошло между Инсаровым и Еленой в часовне, о чем умолчал Тургенев – то услышала ответ:

– Дочь моя, великий писатель тем и отличается, что оставляет читателю свободу фантазии. Подобно тому, как господь наш оставляет нам свободу воли. Слова записанные есть каркас – а что осталось за ними, то каждый прочитавший додумывает, в меру своей нравственности. Да, могло быть и так, как вы сказали – но могло быть и совершенно невинно, не дальше объятий и поцелуев, ну а слово «плашмя» не более чем воспоминание героини о случае в парке – сюжет допускает и то, и иное, ну а как было задумано, то знал один лишь автор. Но если ваше предположение позволило вам сыграть наиболее достоверно – пусть в вашей версии, запечатленной на пленке, будет так. Возможно, что если этот роман экранизируют когда-нибудь еще раз, то там будет совсем по-иному.

Ну, когда еще будет... А этот фильм явно имел успех у советского зрителя. И в РИМе возникла идея сделать коллекцию по образу и подобию платьев тех героинь – подобно тому, как наряды Скарлетт в исполнении Вивьен Ли в иной истории также служили образцом для подражания. Кринолины сейчас были бы очень непрактичны – но привычное «солнце миди», особенно с накрахмаленным подъюбником для пышности, вполне позволяет выдержать стиль. Ну а шляпки, перчатки, зонтики, накидки от дождя – как я уже сказала, и в том кино выглядели достаточно современно. И наряды, что сейчас демонстрировали наши девушки, вполне подходили и этому времени, например, для воскресной прогулки в парке, или в театр вечером пойти – сходство было и с платьем героини из «Карнавальная ночь». И судя по реакции зала, вызывали явный интерес.

Показ завершился, настало время обсуждения. Я, как и остальные девушки, привычно отвечали на вопросы.

– Да, все представленные модели в каталоге, заказ можете оформить в нашем ателье, по коридору направо и по лестнице вниз. Можете не торопиться туда бежать, хватит на всех. Или приходите в любой день, с родными и подругами, с десяти до семи. Да, в воскресенье тоже.

– Вы поймите, что каждый человек индивидуален. И потому, всеобщей моды быть не должно – есть лишь общие направления, из которых вы можете выбрать свое, наиболее вам идущее. Да, я считаю, что фасон «тонкая талия, юбка солнце-клеш» идеален для стройной фигуры роста среднего и выше. Для невысоких ему составляет конкуренцию фасон «трапеция» – клеш от плеча. Для полных могу посоветовать прямой «рубашечный» стиль, с воланом по подолу, или без него. Подробнее – надо смотреть для каждой из вас конкретно.

Эта часть показа считалась также и чем-то вроде «семинара» для слушательниц нашей Академии. Поскольку случилось, что в зале оказывался кто-то, пытающийся задать политически неудобные вопросы. В основном в стиле незабвенной «товарища Брекс», нашей уже упомянутой киевской знакомой – «насколько ваш вид соответствует образу советской женщины, коммунистки и комсомолки».

– Так покажите, где у Маркса написано, что при социализме женщины должны выглядеть как монашки? А может, на то постановление партии есть? Или наши советские законы?

В этот раз «товарищей брекс» не нашлось. Но раздался голос:

– А отчего у вас нет самой современной моды? То, что сейчас в Париже носят – а не какой-то девятнадцатый век.

Я беру микрофон.

– А что сейчас, по-вашему, в Париже носят? Покажете, или нарисуете, вот сейчас на доске? Если смелости хватит сюда выйти.

Девушка встает из четвертого ряда. Миловидная... и судя по тому, что на ней надето, явно не «от станка». Поскольку граждане СССР, например, в ГДР или мою родную Италию ездят относительно свободно – но в страны капитала, это надо быть очень выездным. Сама она вряд ли, возраст не тот – а вот ее отец или иной родственник вполне возможно. Хотя как вариант, подруга могла вещь уступить – если сотню штук привезти для перепродажи, это уже спекуляция, нарушение закона, а из-за нескольких единиц для себя и друзей никто дело заводить не станет.

– Простите, как вас зовут? Лика – отлично. Вот так встаньте, чтобы мы все могли вас лучше рассмотреть.

То, что в будущем назовут «джинсовой» модой, в этом времени не то что неизвестно, но пока занимает весьма скромную позицию, одежды самого простонародья, крестьян и городских низов. Если вспомнить, что ткань «джинсы» первоначально была палаточным холстом, из которого некий Леви Страус сообразил шить штаны для шахтеров-старателей – в СССР похожая материя (именуемая в разговоре «комбайнеркой») выпускается, но идет исключительно на пошив прозодежды, рабочих спецовок и комбинезонов. Так как мы в Риме обязаны были знать про все новинки мировой моды (даже самые нелепые), то среди прочего закупили в США небольшую партию джинсовых штанов – сейчас их там носят (и женщины тоже) исключительно при работе на ферме. И скажу по секрету, мы с Анной эти джинсы даже примеряли (запершись в кабинете, чтобы нас никто, а более всего, наши мужья, не увидели), из чистого любопытства, что в двадцать первом веке будет популярно. Ощущение ужасное, ткань как дерюга, все натирает и колом стоит как жесь, ногу нормально не согнуть. Слышала от Юрия, что в будущем научатся делать и эластичную джинсовую ткань – но пока, по моему глубокому убеждению, эти штаны лишь в наказание можно носить, даже десантные армейские брюки, что я «для боя и похода» надеваю, гораздо удобнее. Впрочем, то, что на этой девушке – на мой взгляд, еще хуже джинсов!

– Настоящая «французская» юбка?

– Да! – отвечает даже с вызовом. – Ввот, смотрите, тут штампик, подлинная «бурже», не какая-то подделка!

– Скажите, а вы не задумывались, отчего этот фасон именно такой? Очень неудобный – не только в обтяжку по бедрам, но и сужается вниз. Так, что

пробежать или даже по лестнице подняться проблема. Идти приходится семенящей походкой, шагком не больше десяти сантиметров. Вообще, такой фасон уже с сорок седьмого года известен, как его Диор представил – или вы думаете, он только «ню лук» делал, женщины-цветы? Однако же у диоровской юбки по подолу или разрез был, или шлица, чтоб все-таки легче шагнуть. А тут мало того, что подол сплошной – у вас там еще металл вшит, проволока или даже цепочка. И пояс тоже характерный – даже не пояс, а целый корсаж, с мудреной застежкой, тоже металл, которую и не сразу расстегнешь. И еще железо, какие-то кнопки, бляшки, на очень толстой прочной ткани. Как вы думаете, Лика, цепочка в вашем подоле зачем нужна?

– Ну, наверное, чтобы ветром не задрало. Как дробинки, для тяжести зашитые в подол солнце-клеш.

– Я так не делаю никогда – дробинки соберутся на одну сторону, и юбка несимметрично растянется, выйдет некрасиво. Предпочитаю от ветра платье просто рукой придержать. Однако то, что на вас, не задерет никакой ураган, даже если будет дуть снизу вверх. Поскольку выше колен эту юбку завернуть невозможно физически – не налезет.

– Ну тогда... наверное, чтобы при шаге нечаянно не порвать!

– При такой ткани? Посмотрите на шов, сколько раз он прошит, и с подгибом. Как на мешкотаре, рассчитанной килограмм на сто. Да тут руками не разорвать, по крайней мере без огромного усилия. И уж точно – не мелким шагом ваших стройных ножек.

– Тогда не знаю. Просто мода такая.

Я улыбаюсь. Глупая девочка, в нашем мире ничего не бывает «просто так». Не исключая моду – конечно, какой-нибудь «кутюрье» может придумать что угодно, но массово носить это будут лишь в том случае, если на то есть причина, мы же материалисты. Ну а если это еще и неудобно в носке – то должна быть весомая причина, чтобы фасон завоевал популярность.

– Французы, они такие затейники. И в моде тоже. Насколько я знаю, у девушек-«стиляг» считается шиком, когда юбка плотно обтягивает бедра – и кроме вашего фасона, весьма популярен и другой: юбки-распашонки, их еще

«обертками» зовут, такие же узкие, ни в коем случае не клеш, с застежкой на всю высоту, или даже без нее, просто запахиваются свободно. В начале века этот фасон называли «мужчинам всегда некогда» – сначала это было одеждой исключительно женщин легкого поведения, но поскольку эпоха была декаданс, падение нравов, то быстро переняли прочие мадам и мадмуазель. Ну а узкие «хромые» юбки, похожие на вашу, Лика, были новинкой парижской моды еще в 1908 году. Поскольку Париж тогда был столицей не только моды, но и авиации, и считалось престижным если не рассказывать подругам, как «меня сам месье Фарман или Блерио над Эйфелевой башней катал», то быть похожей на таких счастливиц. А аэропланы тех лет даже кабины не имели, и если вы в обычном платье сядете, в полете у вас подол будет на голове. И не случайно «хромые» юбки так же быстро вышли из моды с развитием авиации, когда «нюпоры» и «сопвичи» стали уже похожими хотя бы на У-2. Ну а конкретно ваша юбка, это... «Марианна оправила платье, вытерла слезы, села на скамейку, и мы продолжили обсуждать Франсуа Вийона». Не читали?

Лика отрицательно мотает головой.

– «Освободители», французского писателя Веркора. Того, кто в сорок втором написал «Молчание моря», ставшего чем-то вроде манифеста французского Сопротивления. Эпизод про бедную Марианну – ну вот представьте Париж, год сорок пятый. Герой, типаж такого кабинетного ученого, желающего скрыться в своей «башне из слоновой кости» от грубостей окружающего мира. У него есть невеста, такая же эфирно-воздушная, учится в Сорбонне, профессорская дочка, ее отец и отец героя давние друзья и коллеги, изучают старофранцузскую словесность, и война, оккупация, политика, все мимо них. И вот, сидят этот Жан со своей Марианной в парижском парке, и беседуют о возвышенном – кажется, о поэзии Франсуа Вийона. А мимо идут пьяные американские солдаты – только что объявили, что Япония капитулировала, так что конец мировой войне. «Мадмуазель, не подарите свою любовь освободителям». – «Эй, французик, ты что-то имеешь против? Нет – тогда отойди и не мешай». Раскладывают девушку прямо на скамейке, и насилуют вшестером по очереди – с пьяным гоготом, во всех позах. А ученый смотрит, утешая себя, что «я ничего не могу сделать – меня просто изобьют, а то и убьют». Натешившись, янки хлопают его по плечу и кидают тридцать долларов – «все честно, по пять с каждого». И уходят, ржа. Ну а после: «Марианна оправила платье, вытерла слезы, и села на скамейку. Я сел рядом. И мы продолжали обсуждать Франсуа Вийона. Чтобы скорее выбросить из памяти то, что случилось с нами»[9 - «Освободители» Веркора – вымысел автора. «Молчание моря» – реальная повесть его же.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ВМУ им. Ленинского Комсомола, готовит офицеров-подводников. – Здесь и далее прим. автора.

2

О том см. прежние книги цикла.

3

Конан Дойл А. Ужас расщелины Голубого Джона.

4

Эта технология промышленного строительства описана в журнале «Наука и жизнь», начало 1980-х.

5

И это не фантастика, подземные ракеты Циферова.

6

См. кн. «Зеркало грядущего».

7

В нашей истории «идиоты Макнамары».

8

См. кн. «Красные камни».

9

«Освободители» Веркора – вымысел автора. «Молчание моря» – реальная повесть его же.

Купити: https://tellnovel.com/savin_vladislav/krasnyy-bambuk

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)